

Телеграфъ и телефонъ.

ПЕТЕРБУРГЪ. Всѣ сегоднѣшнія газеты выпустили толстовскіе нумера. Въ *Русск. Инв.* также помѣщены двѣ статьи, посвященныя Толстому. Въ нихъ между прочимъ газета говоритъ: «Мы, военные, обязаны Л. Н. Толстому лучшими картинами войны, лучшими описаніями нашего военного быта. Мы, внимательные ученики правды военной, мы, угнетенные читатели его произведеній, вспомнимъ его сегодня, теперь 80-лѣтняго старца, 56 лѣтъ тому назадъ молодого артиллерійскаго офицера, въ простой изъѣзѣ на линіи кавказской написавшаго свое первое произведеніе. Вспомнимъ и перечетемъ его «Шенграбась», «Вородино», «Тарусино» и переживемъ съ нимъ выѣстъ эти великіе моменты нашей военной исторіи и пожелаемъ ему еще на многіе годы сохранить здоровье и литературную мощь».

Рус. Инв. 23-го. 1908

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПЕТЕРБУРГЪ. Петербургскимъ Телеграфнымъ Агентствомъ получены изъ многихъ городовъ вѣстия телеграмми о состоявшихся по случаю 80-лѣтія рожденія графа Толстого литературныхъ вечерахъ и собраніяхъ.

— Совѣтъ профессоровъ петербургскаго университета постановилъ сегодня ходатайствовать объ оставленіи вольнослушательницъ, поступившихъ въ прежніе годы. Въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта, назначенномъ на 3-е сентября, рѣшено произвести выборы Л. Н. Толстого въ почетные члены университета (*Корр. «Русск. Вѣд.»*).

Рус. Инв. 23-го. 1908

Къ юбилею Л. Н. Толстого.

Намъ сообщены тексты многихъ адресовъ, писемъ и телеграммъ, отправленныхъ Лѣву Николаевичу Толстому по случаю его 80-лѣтія. Не имѣя возможности воспроизвести ихъ въ газетѣ, ограничиваемся только извлеченіями изъ двухъ—трехъ и перечнемъ остальныхъ.

Дума города Праги, королевства Чешскаго, «преклоняясь передъ вдохновеннымъ апостоломъ и безсмертнымъ гениемъ великаго народа русскаго, проникнутая горячимъ желаніемъ, чтобы свѣтлый старецъ еще многія лѣта сохранился для своего народа, всего славянства и всего человечества».

Члены вспомогательнаго О-ва приключковъ въ Москвѣ «съ чувствомъ радости думаютъ о томъ, что среди насъ живетъ, мыслятъ и трудятся человѣкъ въ неустаннымъ стремленіи къ тому, что краше и возвышаетъ жизнь человѣка, что ведетъ къ созданію братскихъ отношеній между всѣми людьми. Великъ подвигъ вашъ. Многое извѣдавъ, многое познавъ, вы со всею силой убѣжденія, какая только дана человеку, своимъ сильными словами учите людей правдѣ всего растить въ себя любовь къ ближнимъ. Въ вашихъ словахъ намъ звучитъ голосъ правды. Теплою къ людямъ согрѣло ваше сердце. Мысли о вѣчномъ, вы близки къ землѣ. Сколько народа обращается къ вамъ со своимъ горемъ, сколько разъ вы помогали народу, когда его постигали тяжелыя бѣдствія!.. Не прощайте даромъ ваши посланія».

Отъ петербургскаго городского голомъ съ поздравленіемъ отъ имени города Петербурга въ день наступленія 80-лѣтія жизни Л. Н.—ча, «всемирно прославленной великими твореніями въ области отечественнаго слова и посвященной неуныннымъ личнымъ трудамъ и сердечнымъ заботамъ о просвѣщеніи и благоденствіи мѣшай братья. По возобновленіи послѣ вакансій собраній городской Думы первое засѣданіе будетъ посвящено обсужденію выработанныхъ уже по порученію Думы предположеній объ украшеніи вашимъ именемъ новыхъ городскихъ учреждений, служащихъ дѣлу народнаго образованія и благоустройства, какъ наиболѣе близкихъ вашему любвеобильному сердцу».

«Художественный» театръ кланяется Л. Н.—чу «въ глубокое сознаніе, что въ художественные пути нашего времени вѣдутъ къ вѣному имени, какъ всѣ дороги когда-то веи къ Риму. Какъ въ страстно и бросались мы въ сторону отъ большой дороги, какъ бы на первый взглядъ не извѣстны вѣрному направленію, всегда мы только ищемъ по мѣрѣ нашихъ силъ кратчайшихъ или красивѣйшихъ путей къ тому, что составляетъ сердце и утѣ русскаго искусства и что возполталось въ вашей гигантской личности. И въ сценическомъ творствѣ, какъ въ литературномъ, послѣдніе предѣлы мы видимъ въ искреннѣйшихъ признаніяхъ совѣсти, въ трудолюбивомъ исканіи правды жизни, въ сильной, вѣрной духу и характеру выразительности. Этотъ звѣтъ мѣръ получить отъ васъ, и за него нашъ театр шлетъ вамъ благодарность».

Кромѣ того намъ доставлены копіи привѣтствій, посланныхъ: отъ московской губернской земской управы, отъ самарской городской Думы (поставившей учредить три стипендіи въ школахъ и посылить первый учебный день въ школахъ юбилару); аеронской городской Думы (поставившей присвоить имя юбилара одному училищу и дѣтскому скверу); историко-филологическаго Общества при харьковскомъ университетѣ; общества московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ; моск. уездной земской управы; служащихъ Моск. уѣз. земск. управы; вологодскаго городского управы; врачей; общества и болымаго Императорской Екаерининской больницы въ Москвѣ; восьмью съезда славянскихъ журналистовъ, собравшихся въ Люблинѣ; «свободныхъ эристіанъ» (группы петербургскихъ сектантовъ, обширное посланіе); правленія моск.

Общества народныхъ университетовъ (привѣтствуетъ «въ лицѣ учителя изъ Истоліи Польши славяно поборника идеи демократизаціи просвѣщенія и неустанныго борца какъ противъ «власти тьмы», такъ и противъ въ тѣхъ, плодовъ просвѣщенія», которые приносятъ культурное невѣжество); моск. Общества любителей художествъ; Общества полтавскихъ врачей; группы учащихся въ числѣ 795 человекъ десяти моск. учебныхъ заведеній; студенческое петербургскаго университета; моск. Общества грамотности; театра Корса; общенароднаго Общества народныхъ университетовъ; комитета помощи, присланъ, поваренныхъ окр. моск. суд. палаты; депутатовъ I-й Госуд. Думы отъ Костромскаго уѣз. (П. В. Замыслова, Н. А. Огородникова и П. А. Сафоновъ, изъ котораго торжамъ); члена Госуд. Думы, бывшаго председателя 2-й Госуд. Думы (В. А. Голубина); правленія Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова; первое московскаго женскаго клуба; группы русскихъ студентовъ въ Парижѣ; моск. правленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ; правленія батумскаго Общества народныхъ университетовъ; самарскаго биржеваго комитета; санитарнаго отдѣла техническаго Общества; служащихъ костромскаго уѣз. земск. управы; редакціи Русской Мысли, Вѣстника Воспитанія, Дѣла Народнаго Учителя, Сивера (въ Вологдѣ), Южнаго Телеграфа (въ Ростовѣ-на-Дону), Амурскаго Лимана (въ Николаевскѣ); служащихъ орловскаго уѣз. земства; группы драматическаго театра Коммиссаржевской; правленія Общества поощренія общ. изученія бѣда учащихся въ нач. училищахъ 1. Москвѣ; уланскаго общественной библиотеки; общества бакинскаго отдѣла И. р. техники. О—ва; правленія Общества врачей, практикующихъ на кавказскихъ минер. водахъ; вологодскихъ Обществъ врачей и полиціонныхъ врачей; торговыхъ служащихъ (изъ Москвы, 39 подписей); провинці. дѣлателей сѣмъ, находящихся сейчасъ въ Москвѣ; группы полиціи, сѣмъ (г. Краснаго Яра Астрах. губ., 24 подписи); жителей 1. Лукоянова Нижегород. губ. (дѣ телеграммы со многими подписями); первое съезда сѣверо-кавказскихъ журналистовъ; редакціи армянскаго газетъ Мишакъ; тифлискаго общественаго клуба; редакціи грузинской газеты Амиранъ; изъ Москвы (20 подписей); изъ Крюкова (5 подписей); изъ Геленджика (4 пол.); изъ Гуды (за подписью кн. Долгорукова и много др. лицъ); сестры милосердія (изъ Варшавы, стихотвореніе).

Рус. Бюд. 23-го Аг. 1908

— Рабочіе завода Вейнбергъ пожелали прекратить работы 28-го августа по случаю юбилея Толстого. Вѣсто этого они выразили желаніе отработать въ какой-нибудь праздничный день. Владѣлецъ завода на это согласился (Корр. «Русск. Вид.»).

Рус. Бюд. 23-го Аг. 1908

— Намеженъ арестъ на № 18-й, посвященный Толстому, кооперативнаго журнала Труженики (Корр. «Русск. Вид.»).

Рус. Бюд. 23-го Аг. 1908

Внутреннія извѣстія.

По телеграфу.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

СИМФЕРОПОЛЬ. 28-го августа мѣстная газета посвящаетъ юбилею Льва Николаевича Толстого. *Крымскій Вѣстникъ* вышелъ въ двойномъ форматѣ, съ портретами писателя. Севастопольская Дума избрала Толстого, какъ бывшаго защитника Севастополя, почетнымъ гражданиномъ города Севастополя и постановила украсить залу засѣданій Думы портретомъ маститаго писателя и послать юбиляру приветственную телеграмму.

ТВЕРЬ. День юбилея Толстого отметили любители драматическаго искусства, поставившіе на-дняхъ «Власть тьмы». Правленіе мѣстнаго отдѣла Общества народныхъ университетовъ послало въ Ясную Поляну приветственную телеграмму.

ЯРОСЛАВЛЬ. Юбилей Толстого нѣтъ же не отмеченъ. Газеты по независимымъ обстоятельствамъ обошли его молчаніемъ.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ. Слушаніе обществѣнныхъ учрежденій, лица интеллигентныхъ профессій, просвѣтительныя организація и отдѣльныя группы почитателей великаго писателя отправили приветственные телеграммы Л. Н. въ Ясную Поляну.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ. Въ Коммерческомъ клубѣ запрещенъ семейный вечеръ, на которомъ предполагалось поставить отрывки «Молодость просвѣщенія» и «Крейцерову сонату».

КАЗАНЬ. Толстовскій день отмеченъ юбилейными шумеранъ прогрессивныхъ газетъ и привѣтствіями различныхъ общественныхъ группъ. Общество народныхъ университетовъ рѣшило организовать толстовскія лекціи въ октябрѣ.

КУРСКЪ. Въ собраніе Общества русскихъ врачей, состоявшееся по поводу чествованія юбилея Л. Н. Толстого, явился полицій и потребовала, чтобы собраніе разошлось.

САРАТОВЪ. Прогрессивныя газеты посвятили много статей Л. Н. Толстому. Вечеромъ въ литературномъ Обществѣ назначенъ рефератъ о Толстомъ.

Рус. Вѣд. 23-го Авг. 1908

— Московское Общество грамотности въ засѣданіи 16-го августа проектировало въ ознаменованіе 80-лѣтія со дня рожденія гр. Л. Н. Толстого открыть народную бібліотеку его имени. Изъявивъ на это согласіе, Л. Н. высказалъ пожеланіе, чтобы бібліотека была открыта въ Ясной Полянѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявилъ готовность принять участіе въ составленіи каталога бібліотеки, въ которой ему хотѣлось бы видѣть книги преимущественно этическаго содержанія и по народоувѣдѣнію. Для увеличенія средствъ, которыя будутъ ассигнованы ближайшимъ собраніемъ Общества грамотности, предложено открыть подписку среди лицъ, желающихъ почтить великаго художника-писателя.

Рус. Вѣд. 20-го Авг. 1908

— Л. Н. Андреевъ заявляетъ въ *Речи*, что онъ посвящаетъ Л. Н. Толстому (съ его согласія) свой разсказъ «О семи пошленныхъ», напечатанный въ Альманахѣ «Шиповникъ», и, съ согласія издателя этого сборника, съ 1-го января 1909 г. отказывается отъ права собствен-

ности на этотъ разсказъ и предоставляетъ его въ общее пользованіе.

— Въ юбилей Л. Н. Толстого издана стереографическимъ издательствомъ «Свѣтъ» (Чистые пруды, 23) серия стереоскопическихъ картинъ «Л. Н. Толстой и Ясная Поляна». На 25-ти картинахъ—нѣсколько портретовъ Льва Николаевича (сидящаго, идущаго, въ кабинетѣ, въ парѣ, на площади передъ домомъ, верхомя, вмѣстѣ съ супругой, въ огородахъ) и рядъ видовъ дома Л. Н.—на, снаружи и внутри, асенополскаго парка, плодового сада, труда, общаго вида усадьбы, въѣзда въ нее, деревни Ясная Поляна и др. Картины исполнены очень хорошо и отчетливо. Въ нихъ имѣется краткій пояснительный текстъ (37 стр.). Цѣна всей серіи 10 р., сокращенной (15 карт.) 6 р. Допускается и распродажа пятами.

Рус. Вѣд. 23-го Авг. 1908

БЕРЛИНЪ. Берлинскія и провинціальныя газеты посвящаютъ горячія статьи Л. Н. Толстому. Вечеръ въ ратушѣ привлекаетъ массу публики. Послѣ рѣчи предсѣдателя Общества изученія русской культуры читались отрывки изъ произведеній, начиная съ раннихъ и кончая новѣйшими. Въ чествованіи принимаютъ участіе всѣ либеральная печать. Не менѣе тепло принимаютъ юбилей и органы рабочей партіи. *Vorwärts* констатируетъ обширную передовую статью словами: «Удивительныя памятники искусства Толстого, его ученіе о любви къ человечеству, несправедливости будущаго, въно блистательныя драгоцѣнныя верхами. Рабочій классъ можетъ съ благодареніемъ привѣтствовать престарѣлаго писателя и съ радостнымъ сердцемъ выражать ему свое глубокое уваженіе» (*Лорр. «Русск. Вѣд.»*).

Рус. Вѣд. 23-го Авг. 1908

„Власть тьмы“ на сцене „Lessing-Theater“.

Одним из лучших драматических театров Берлина, „Lessing-Theater“, достойным образом открыл юбилейные дни, посвященные 80-тилетней годовщине рождения Л. Н. Толстого, новой постановкой его драмы „Власть тьмы“. Пьеса была заново разучена и даже заново переведена Августом Шольцем, который еще пять семь—восемь тому назад был никому неизвестным учителем народной школы на окраине столицы, а за последние годы стяжал себе имя лучшего переводчика наших, по преимуществу молодых писателей. Вообще же говоря, драма Толстого—не новинка для немецкой публики. Первое знакомство с нею совпадает с тем же периодом бури и натиска натуралистического движения в немецкой литературе, самые могучие импульсы которого исходили именно с подмостков театра. Это движение, правда, не сразу завоевало себе „публичную сцену“ и вынуждено было искать утешения в интимном кругу драматических организаций, на волевой, никакими традициями не связанной сцене. Отсюда на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого века стали возникать так-называемые „Freie Bühnen“, которые впоследствии разрослись в очаги искусства для народа, в „Freie Volksbühnen“. Тотчас по возникновении в Берлине первой „свободной сцены“, в сезон 1889—1890 года, дасть была дана пьеса, которым тогда еще был закрыт доступ в патентованные театры. Наряду с „Привидениями“ Ибсена, „Перед восходом солнца“ Гауптмана впервые пошла и „Власть тьмы“ Толстого. Другая драма Толстого, „Плоды просвещения“, несколько позже была поставлена также на „свободной сцене“. Среди образов французской, скандинавской и русской литературы, оказавших глубокое влияние на натуралистическое движение в Германии, „Власть тьмы“ занимает одно из первых мест, и в частности хорошо известно, какое решающее влияние она оказала на первые шаги в творчестве Гергарда Гауптмана. Его драматический первенец, „Перед восходом солнца“, носит поразительно сдвиг этого влияния. Толстой же, которого до тех пор в немецком обществе знали только как романиста, с начала 90-х годов завоевал себе также признание и как драматического писателя. „Власть тьмы“ в 1900 году уже шла на публичной сцене и с тех пор то-и-дло возобновляется в репертуарах берлинских театров, для в этом отношении завидную участь с одной ее только русской пьесой—„Ревизором“ Гоголя.

Для того сенсационного впечатления, которое произвела первая постановка „Власти тьмы“ на немецкую публику, характерен тогдашний отзыв покойного писателя Теодора Фонтана. Этот популярный немецкий романист и бытописатель стоял в оппозиции к молодому литературному движению, с жаром отстаивавшему старую романтическую школу, но, увидев толстовскую драму, он не мог не поздравить с колоссальным успехом новое направление в его мушкетерских усилиях снести с лица немецкой сцены утвердившийся на ней фальшивый пафос и вдохнуть в нее струю подлинной жизни. „Вчера,—писал Фонтан,—возмужала, наконец, великая звезда: „Власть тьмы“ Льва Толстого. Современное реалистическое искусство не знает ничего лучшего, ничего более светлого, как эта пьеса. Кто хочет судить о реалистическом искусстве, его правоте или неправоте, тот не должен характер этого искусства демонстрировать на примитиве его зарождения; он должен остановиться на таких произведениях, как эта драма, тогда мы увидим, что может он сна-

звать против него. С точки зрения эстетической он должен будет перед ним преклониться, а с точки зрения художественной он в худшем случае очутится перед вопросом, но и его, впрочем, придется решать в пользу толстовской драмы. Ее элементарная мощь в концовках захватывает с такой всепоглощающей силой, что перед ней, как ничтожная мелочь, исчезают все споры о старом и новом в драматической литературе“...

В „Lessing-театре“ „Власть тьмы“ идет с тем совершенством постановки и игры, которые для русского зрителя создают наибольшую иллюзию, возможную только на этой прекрасной прошедшей строгую реалистическую школу сцене. Директор этого театра д-р Отто Бранш, начавший свою карьеру в качестве литературного критика, был первым гонимым литературного движения конца 80-х и начала 90-х годов и одним из основателей „свободной сцены“. Впоследствии он вел „Deutsches Theater“, который дал могучий толчок развитию сценического искусства в Германии и за границей, оказав большое влияние и на лучшие театры в России. Годы три тому назад Бранш перешел со своей труппой в „Lessing-театр“, уступив „Немецкому театру“ новой звезде на сценическом небосклоне Берлина, талантливому артисту и директору Макс Рейнгарду.

Во „Власти тьмы“ в главных ролях выступили вчера артисты, которые были соратниками Бранш на протяжении всей его сценической деятельности: Вассерманн (Никита), Эльза Леман (Анисья), Эмануэль Рейхер (Аким) уже не первый раз с успехом исполняют эти роли. Публика, наполнявшая театр, с затаненным дыханием следила за разворачивающейся перед нею потрясающей драмой.

На этой неделе „Власть тьмы“ идет и в „Шаллер-театре“, где директором состоит д-р Левенфельд, известный биограф Льва Толстого и немецкий переводчик его произведений.

Г. Гр.—Б.

Берлин, 24-го августа.

(Окончание. *).

Первое время своего пребывания в Петербург послѣ Севастополя Толстой проводил довольно бурно. Послѣ лишений и укасовъ, пережитыхъ имъ на войнѣ, Петербургъ съ его роскошью и блескомъ представлялъ себѣ особую прелесть, и молодой, жизнерадостный Л. Н. огуломъ на время въ бурную столичную жизнь. Это, однако, продолжалось недолго, все наряду съ этимъ шелъ процессъ внутренняго перерожденія, глубокаго самоанализа. И съ веселой и разгульной жизни скоро остались лишь тяжелыя и непріятныя воспоминанія.

Одновременно съ этимъ у Л. Н. произошло разладъ съ близкимъ ему кругомъ писателей. Толстой не могъ мириться съ мыслью, что литературная дѣятельность, хотя-бы направленная къ дѣлу достиженія всеобщаго блага, можетъ освободить человека отъ болѣе активной, болѣе осознательной дѣятельности на пользу ближняго. Толстой находилъ, что наша литература способна лишь удовлетворять изысканнымъ вкусамъ привилегиро-

* См. № 197 „Южн. В.“

ванныхъ людей, но не можетъ оказывать пользу широкимъ народнымъ массамъ, которымъ она непонятна. Вообще, „цивилизация,—говорилъ онъ,—куплена за счетъ крови и пота народной массы, которая ею не пользуется“. На почвѣ такихъ вопросовъ возникали разногласія, доводившія въ результатѣ до острыхъ споровъ и конфликтовъ. Толстой, всегда прямой и чистосердечный, не останавливался и передъ тѣмъ, чтобы въ самой рѣзкой формѣ не упрекать своихъ друзей въ неискренности и притворствіи. Особенно обострились отношенія между Л. Н. и Тургеневымъ; позднее у нихъ дошло чуть-ли не до дуэли, не состоявшейся лишь благодаря вмѣшательству друзей*). Всѣ эти конфликты привели къ тому, что „люди ему опротивили и самъ онъ себя опротивилъ“,—и онъ ухаживъ въ Ясную Поляну. Здѣсь, посажившись въ которое время сельскимъ хозяйствомъ, Л. Н. въ 1857 г. отправился за-границу.

Западная Европа не произвела на Толстого ожидаемаго впечатлѣнія. Вѣчный правдоискатель, онъ не могъ, конечно, удовлетвориться въ общественныхъ отношеніяхъ, установившимся на Западѣ. Отсутствие тамъ крѣпостнаго права не устроило, разумеется, разногласія въ интересахъ людей. Контрастъ между бѣдностью и богатствомъ и здѣсь выступилъ во всей своей поразительной остротѣ, и Толстой, носившій въ душѣ своей мысль объ устройствѣ людей на основахъ братства и справедливости, не могъ мириться съ неправдой, скрытой подъ блестящимъ покровомъ западно-европейской культуры. Его разочарованіе Западомъ рельефно выражено въ расказѣ „Люцерн“. Отчасти такому пессимистическому настроенію способствовало то, что во Франціи умеръ его любимый братъ Николай, смерть котораго произвела на Л. Н. потрясающее впечатлѣніе. Онъ вернулся въ Россію, но въ 1859 году Толстой вторично отправился за-границу. На этотъ разъ путешестіе его имѣло опредѣленную цѣль. Заинтересовавшись вопросами народнаго образованія, Толстой рѣшилъ познакомиться за-границей съ постановкой школьнаго дѣла. Онъ посѣтилъ Францію, Англію, Германію, Италію, Швейцарію. Особенно заинтересовался онъ постановкой дѣла народнаго преподаванія въ Германіи, гдѣ онъ занялся изученіемъ этого вопроса теоретически и практически, ведя при этомъ живыя

*) Отношенія оставались такими обостренными долгое время. Только въ послѣдніе годы жизни Тургенева последовало примиреніе. Первые шаги къ этому сдѣлали были Тургеневымъ. Впослѣдствіи за извѣстное время до смерти Тургенева общался съ Толстымъ съ чрезвычайнымъ пыломъ, въ которомъ называлъ его „великимъ писателемъ земли русской“.

бесѣды съ выдающимися специалистами по этому вопросу. Однако, постановка дѣла народнаго образованія въ европейскихъ школахъ не удовлетворила его. Его неспокойная, пропнцательная мысль не могла мириться съ обычными шаблонами воспитанія, искала во всемъ совершенства, чего онъ не нашелъ въ западно-европейской системѣ воспитанія.

Вернулся Толстой въ Россію по освобожденіи крестьянъ и сталъ мировымъ посредникомъ. Онъ отнюдь не занялъ этотъ постъ подъ влияніемъ либеральныхъ теченій того времени, або не считалъ, какъ другіе, что народъ нуждается въ авторитетѣ и умственныхъ посянкахъ интеллигентныхъ классовъ, которые нравственно обязаны стремиться къ тому, чтобы поднять мужака до уровня своего развитія. Толстой, наоборотъ, думалъ, что культурнымъ классамъ слѣдуетъ идти на выучку къ мужикамъ и заимствовать у нихъ высоту порывовъ и чистоту духа. Поселившись въ Ясной Полянѣ, Толстой дѣятельно занялся устройствомъ школъ по собственному имъ созданной системѣ. Одновременно онъ выступилъ съ рядомъ статей по педагогическому вопросу. Въ нихъ Толстой проводилъ совершенно новую оригинальную идею воспитанія. Онъ рѣзко выступаетъ противъ системы, усвоенной въ Германіи. Понятно, что въ періодъ всеобщаго преклоненія предъ именованною педагогіей, столь рѣшительное и смѣлое выступленіе произвело необычайный шумъ во всемъ педагогическомъ мѣрѣ. Отрицая всякую регламентацію и дисциплину, Толстой выдѣлялъ единственный цѣлесообразный методъ воспитанія въ отсутствіи всякаго метода. Въ основанной имъ „ясно-полянскій школѣ“ не существовало никакой программы, никакихъ обязательныхъ часовъ занятій, никакихъ опредѣленныхъ требованій къ дѣтямъ. Занятія велъ самъ Толстой при помощи знающихъ, сочувствующихъ этой системѣ воспитанія—и занятія шли прекрасно. Тѣмъ временемъ въ культурномъ педагогическомъ мѣрѣ волновались по поводу педагогическаго

„анархизма“, проповѣдуемаго Толстымъ. Нашлись и такіе, которые не замедлили объявить Толстого консерваторомъ, не признающимъ культурныхъ новшествъ. Это, конечно, мало тревожило Толстого, и онъ продолжалъ проповѣдывать и проводить на практикѣ выработанную имъ систему воспитанія.

Въ 1862 году Толстой женился на дочери извѣстнаго московскаго доктора Софіи Андреевнѣ Берсъ. Толстой былъ старше своей жены на цѣлыхъ 17 лѣтъ; семейная жизнь ихъ сложилась очень счастливо. Въ лицѣ своей жены онъ нашелъ вѣрнаго и преданнаго друга и помощника. Она по многу разъ переписывала его произведенія, которыя онъ безконечное число разъ передѣлывалъ и вообще служила ему незамѣнимымъ другомъ во всѣхъ его литературныхъ и прочихъ дѣлахъ, въ которыхъ С. А. обнаруживала много практической. Наступилъ періодъ усвоенія личнымъ счастьемъ: обезпеченное матеріальное состояніе, легко дающееся литературное творчество, небывалая слава,—все это дополняло его семейное счастье. Въ теченіе первыхъ 10-12 лѣтъ имъ написаны „Война и миръ“, „Анна Каренина“ и др. На долю этихъ произведеній выпалъ небывалый успѣхъ. Они поразили всѣхъ своей колоритностью и яркостью изображенія типовъ. Здѣсь передъ глазами читателя проходятъ всѣ классы общества, съ ихъ психикой и групповыми особенностями. Между прочимъ, выведенный въ „Аннѣ Карениной“ Левинъ для многихъ долго оставался непонятнымъ. На Левина смотрѣли, какъ на представителя инѣ женнаго барства, на его исканія и тревогу,—какъ-то на бляжъ, между тѣмъ, какъ его душевное болѣзненное характеризовало начало того духовнаго кризиса, который переживалъ въ это время самъ Толстой. Это было началомъ завершенія того великаго перелома, который начался у Толстого еще въ ранніе годы его жизни.

Исторія этого перелома изображена Толстымъ въ его „Исповѣди“. Это были понятныя трагическіе моменты въ его жизни. Его мучающаяся, постоянно впадающая истинны, душа не знала покоя. Его неутомимо мучала въпросъ о цѣли и смыслѣ жизни, о томъ, какъ долженъ жить человѣкъ, не нарушая требованій нравственной морали. Ужасъ въ томъ и заключался, что онъ, не довольствуясь настоящей жизнью, не нашелъ, однако, еще вѣрныхъ путей къ иной, полезной. „Если-бы — говорить онъ въ „Исповѣди“ — пришла волеибица и предложила мнѣ исполнить свои желанія, я бы не зналъ, что сказать“. Передъ Толстымъ предсталъ грозный вопросъ: что дѣлать? Оглядываясь назадъ на пройденную жизнь, Толстой непрестанно спрашивалъ себя: зачѣмъ онъ жилъ, что онъ сдѣлалъ? На эти вопросы онъ не могъ получить успокаивающаго его отвѣта. Онъ видѣлъ, что онъ жилъ для процесса жизни, для удовольствій, и что его слава никому не принесла никакой пользы, кромѣ него самого.

Отъ вопроса о смыслѣ личной жизни онъ естественно перешелъ къ вопросу о смыслѣ человѣческой жизни, вообще. Толстой чувствовалъ, что все то, на что онъ опирался прежде, быстро разрушается и не можетъ уже служить ему опорой. Естественнымъ результатомъ была мысль о самоубійствѣ. „Я, счастливый человѣкъ, говорить онъ въ „Исповѣди“, пряталъ отъ себя шпирокъ, чтобы не повѣситься на перекладины между шкапами въ своей комнатѣ, гдѣ я каждый день бывалъ одинъ; я пересталъ ходить съ ружьемъ на охоту, чтобы не сооблазнить слишкомъ легкимъ способомъ избавленія себя отъ жизни. Я самъ не зналъ, чего я хочу; я боялся жизни, стремился прочь отъ нея и между тѣмъ чего-то еще надбавлялъ отъ нея“. Такова была драма, пережитая Толстымъ въ половинѣ 70 годовъ.

Единственный выходъ, по мнѣнію Толстого, это отказаться отъ надстроекъ культуры, опроститься, уйти къ мужику, къ природѣ. Но это не рѣшило еще окончательно всѣхъ представшей предъ Толстымъ проблемъ.

Чтобы найти отвѣтъ на всѣ мучившіе его вопросы, Толстой бросился въ область богословія, онъ взялся за Евангеліе, но оно не вполне удовлетворило его. Онъ извлекъ изъ него лишь нравственное ученіе съ основными догматами непротавленія злу и любви къ ближнимъ. Но это все-же! успокоило его; онъ почувствовалъ, что владѣть чѣмъ-то осязательнымъ и существеннымъ, что можетъ служить базисомъ для развитія и достиженія идеаловъ нравственнаго совершенствованія. Прошелъ долгій періодъ, въ теченіе котораго Толстой постепенно отказывается отъ прехотей и удобствъ личной жизни, стремясь опроститься и жить жизнью, близкой къ природѣ; онъ ста-

новится вегетарианцемъ, одѣвается въ простую одежду, отдаетъ свое крупное состояніе своей семьѣ, отказывается отъ правъ литературной собственности и, вообще, словомъ и дѣломъ, проводить идею опрощенія и нравственнаго самоусовершенствованія.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого мышленія явилось отрицаніе имъ установившихся формъ государственной и общественной жизни. Это выработанное и укрупнившееся въ теченіе многихъ лѣтъ міросозерцаніе ярко выражено Толстымъ въ его послѣднемъ романѣ „Воскресеніе“.

Противорѣчіе религіознаго міровоззрѣнія Толстого съ ученіемъ господствующей церкви, его морально-философское рѣшеніе вопросовъ религіи, идущее въ разрѣзъ со взглядами официального духовенства, привело къ тому, что въ февралѣ 1901 г. онъ былъ отлученъ отъ церкви...

Слава и вліяніе Толстого не ограничиваются одной Россіей. Его имя пользуется мировой извѣстностью; всѣ его произведенія переведены на языки всѣхъ культурныхъ странъ. И день юбилея Толстого является общимъ мировымъ праздникомъ.

Передъ юбилеемъ Л. Н. Толстого.

„Нов. Русь“ передаетъ слѣдующія подробности о засѣданіи синода 21 августа, которое цѣлкомъ было посвящено вопросу объ отношеніи къ предполагаемому чествованію юбилея Толстого, при чемъ засѣданіе это длиннѣе раз доказало, что среди членовъ синода въ усиленномъ его составѣ существуютъ принципиальныя разногласія даже по самымъ существеннымъ вопросамъ.

Митрополитъ Антоній предлагаетъ оставить постановленіе мисіонерскаго съезда о необходимости публичнаго вынесенія отношеній св. синода къ празднованію юбилея Толстого безъ послѣдствій. По его мнѣнію, слѣдуетъ или только подтвердить отлученіе Толстого отъ церкви, или совсѣмъ обойти юбилей молчаніемъ. Послѣднее и вѣнчаетъ для православныхъ фактомъ неодобренія синодомъ проектируемаго чествованія.

Послѣ словъ митрополита Антонія поднялся среди членовъ синода цѣлая буря переговоровъ.

Епископъ Гермогенъ. Намъ нечего останавливаться предъ вопросомъ о томъ, какъ долженъ синодъ отозваться на предстоящій юбилей отлученнаго, преданнаго анаемъ повсемѣстно съ амвона православныхъ церквей, гр. Толстого. Мы должны быть последовательны. Анаема не снята—нечего и разговаривать—допустимо-ли, съ точки зрѣнія нашихъ основныхъ каноническихъ правъ, чествованіе православнымъ населеніемъ того, кто заслуживалъ, безъ сомнѣнія, имя гениальнаго писателя земли русской, въ то-же время ради охраны государства и неразрывной съ нимъ религіи, долженъ быть высланъ изъ предѣловъ всякаго государства.

Епископъ Серафимъ (орловскій). Нужна опора православію... Всюду грѣшины... Законопроекты Государственной Думы развиваютъ посяднія приближенія православія, они даютъ разныя права сектантамъ съ православнымъ населеніемъ. Будемъ-ли мы солидарны съ чествованіемъ того, кто своими тлетворнымъ влияніемъ раздуваетъ огонь розни въ Христовомъ стадѣ? Народъ-богоугодникъ не признаетъ своимъ тѣмъ же того, надъ кѣмъ лежитъ печать проклятія церкви.

Опубликованный черезъ „О. В.“ отзывъ синода о чествованіи гр. Л. Н. Толстого составляетъ протоиреемъ Восторговымъ; только и въ которыхъ мѣста были смягчены по настоянію митрополита Антонія.

Востокъ Вѣдомости 22-го Авг. 1908

Севастопольская городская дума постановила:

- 1) привѣтствовать графа Толстого въ день его 80-лѣтняго юбилея телеграммой.
- 2) избрать графа Л. Н. Толстого, какъ бывшаго защитника Севастополя, почетнымъ гражданиномъ города Севастополя.
- 3) Украсить залъ засѣданія севавтопольской городской думы портретомъ маститаго писателя.
- и 4) копію постановленія думы сообщить графу.

Текстъ привѣтственной телеграммы проектировать городской управѣ въ слѣдующей формѣ:

Ясная Поляна

Тульской губерніи.

Графу Льву Николаевичу Толстому.

Гласные севавтопольской городской думы, собравшись въ экстренное засѣданіе, единогласно избрали васъ, стоящаго въ рядахъ защитниковъ Севастополя въ 1855 году, почетнымъ гражданиномъ города. Этими городская дума желала воздать дань безграничнаго почтенія и уваженія великому писателю-художнику и гуманисту въ день его 80-лѣтней годовщины. Рѣшивъ также украсить залъ своихъ засѣданій вашимъ портретомъ, городская дума шлетъ вамъ, графъ, пожеланіе здоровья на долгіе годы.

Городской голова Ергопъ, Л. О.

Востокъ Вѣдомости 22-го Авг. 1908

Къ юбилею Л. Н. Толстого.

Группою служащихъ симферопольскаго городского общественнаго управленія отправлена ко дню юбилея Л. Н. Толстого привѣтственная телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Группа служащихъ симферопольскаго городского общественнаго управленія, присоединяясь къ несмѣтному сонму Вашихъ читателей, которые сегодня торжественно празднуютъ юбилейный день Вашего рожденія, отъ глубины души желаетъ вамъ крѣпости тѣла и духа и много еще лѣтъ поработать на славу Россіи и на пользу народа“.

Вчера, 28-го августа, редакціей „Южныхъ Вѣдомостей“ была отправлена Льву Николаевичу Толстому слѣдующая телеграмма:

„Редакція „Южныхъ Вѣдомостей“ шлетъ великому писателю-человѣку горячій привѣтъ и пожеланіе еще много лѣтъ выполнять свою миссію выразителя мировой совѣсти и видѣть торжество духа надъ грубой силой“.

◆ На состоявшемся вѣднѣхъ совѣщаніи союза симферопольскихъ приказчиковъ рѣшено послать въ день юбилея Льва Николаевича Толстого въ Ясную Поляну отъ симферопольскаго профессиональнаго союза приказчиковъ слѣдующую телеграмму: „Приказчики города Симферополя шлютъ горячій привѣтъ великому старцу, художнику слова, въ горячій любви къ людямъ и въ великой совѣсти воплощенному могучую жажду искренности правды. Приказчики“. Кромѣ того, рѣшено приобрести портретъ Л. Н. Толстого для помѣщенія его въ квартирѣ союза.

◆ Объ-во любителей изиачи. „искусствъ предполагать въ день юбилея Л. Н. Толстого отправить юбиляру телеграмму слѣдующаго содержанія. „Дорогой учитель Левъ Николаевичъ! Присоединяясь къ всемірному чествованію, симферопольское общество любителей изиачныхъ искусствъ привѣтствуетъ васъ, Левъ Николаевичъ, маститаго русскаго художника слова, тонко и глубоко передаващаго красоту жизни“.

Мѣстными врачами, ветеринарами, фельдшерами и санитарями, состоящими на городской службѣ, отправлена въ Ясную Поляну слѣдующая телеграмма:

Медицинско-ветеринарно-санитарный персоналъ города Симферополя шлетъ свой привѣтъ литературной красотѣ русской земли доктору Льву Николаевичу съ пожеланіемъ еще долгіе годы служить своими гениальными твореніями на пользу человѣчества. Слѣдующъ подписанъ.

Востокъ Вѣдомости 22-го Авг. 1908

— Въ высшихъ сферахъ опредѣленіе синода по поводу юбилея Л. Н. Толстого, по словамъ „Нов. Русь“, будто стало извѣстнымъ лишь послѣ его напечатанія. Какъ узнала газета, самъ предсѣдатель совѣта министровъ былъ осведомленъ объ опредѣленіи свят. синода изъ разосланаго печатнаго бланка. Сѣтская власть свое мнѣніе еще не высказала.

Востокъ Вѣдомости 22-го Авг. 1908

ПЕТЕРБУРГЪ, 28 августа. С.-Петербургскимъ Телеграфическимъ Агентствомъ получены изъ многихъ городовъ Имперіи телеграммы о состоявшихся, по случаю 80-тилѣтія со дня рожденія гр. Толстого, литературныхъ вечерахъ и собраніяхъ.

Копиями 23 №. 1908

— Закрытіе засѣданія. Предсѣдателемъ общества распространенія образованія въ народѣ, профессоромъ университета св. Владимира В. Н. Перетцомъ было подано заявленіе о томъ, что на 28 августа, въ 8 час. вечера, назначено общее собраніе членовъ общества для обсужденія текущихъ дѣлъ и въ томъ числѣ для рѣшенія вопроса о чествованіи графа Л. Н. Толстого и выработки программы этого чествованія. Въ собраніи, созданномъ въ частномъ коммерческомъ училищѣ Конискаго, по Владимирской улицѣ № 5, собралось до 100 лицъ обоего пола, преимущественно евреи. Засѣданіе открыто предсѣдателемъ общества проф. В. Н. Перетцомъ и предсѣдателемъ собранія имъ былъ указанъ бывший членъ первой Государственной Думы, недавно отбывшій тюремное заключеніе, Шольгъ, который и занялъ предсѣдательское мѣсто безъ голосованія собранія. На собраніи присутствовали сотрудники «Кіевской Мысли» и «Кіевскихъ Вѣстей», отъ полиціи — помощникъ полиціе-мейстера І. А. Дьяченко и приставъ Старокіевскаго участка В. Ф. Бялоцкий. На собраніи первымъ вопросомъ обсуждался вопросъ о чествованіи Л. Н. Толстого и первое слово предоставлено было проф. В. Н. Перетцу. Онъ началъ разборъ личности Л. Н. Толстого, какъ писателя, художника и реформатора религіи и въ этой области говорить продолжительное время. Рѣчь эта произвела тенденціонное настроеніе. Послѣ двуххатратнаго заявленія представителя полиціи проф. В. Н. Перетцъ прекратилъ рѣчь. Затѣмъ говорилъ профессоръ политехническаго института Ивановъ, который началъ читать большую рѣчь о педагогическомъ значеніи гуманизма въ послѣднихъ сочиненіяхъ Льва Толстого. Такъ какъ рѣчи проф. В. Н. Перетца и проф. Иванова не входили въ программу засѣданія, а носили явный характеръ лекціи о Л. Н. Толстомъ, то, по распоряженію полиціи, засѣданіе было закрыто. При провѣркѣ лицъ присутствующихъ въ собраніи полиціей установлено, что въ собраніе были приглашены не только члены общества, но и постороннія обществу лица по запискамъ еврея Слущаго и другихъ. Собраніе закрыто въ 10 час. вечера.

Копиями 23 №. 1908

Анкета о Толстом, произведенная вѣнской газетой „Zeit“.

Кармень Сильва (королева румынская).

Изъ всего, что написалъ великій художникъ и человѣкъ, наибольшее впечатлѣніе произвели на меня его маленкіе рассказы для народа. Я считаю ихъ совершеннѣйшимъ изъ всего, что имъ написано. Отъ окончательнаго мнѣнія о Толстомъ должны воздержаться всѣ, кто не въ состояніи прочесть его на родномъ его языкѣ. Наилучшій переводъ все же остается чѣмъ-то въ родѣ убійства, и было бы дерзновенно признавать сужденіе тамъ, гдѣ отъ насъ закрытъ благородный матеріалъ языка.

Но въ народныхъ рассказахъ Толстого до насъ доходитъ мысль наивысшей чистоты, которая, на мой взглядъ, краснорѣчивѣе самыхъ изощренныхъ формъ. Здѣсь дается намъ высшее искусство, и оно переживаетъ всѣ времена, какъ Данте, какъ Шекспиръ, какъ Библія, ибо здѣсь—вѣчная правда, которую не можетъ изуродовать никакой переводъ.

Я съ удивленіемъ вижу, что говорятъ больше о крупныхъ вещахъ Толстого, чѣмъ объ этихъ маленькіхъ жемчужинахъ, единственныхъ въ своемъ родѣ. Если бы Толстой ничего не написалъ, кромѣ своихъ мелкихъ рассказовъ, то онъ принадлежалъ бы къ величайшимъ людямъ всего міра. Тотъ, кто написалъ это, никогда не могъ имѣть ни одной низкой мысли; былъ дѣйствительно другомъ страдающаго человѣчества; былъ истиннымъ христианиномъ.

Графъ Альбертъ Апоны.

Не легко найти короткую форму для опредѣленія Толстого. Но если бы отъ меня потребовали этого, то я выразилъ бы мое мнѣніе такъ: Толстой одинъ изъ величайшихъ художниковъ, когда-либо рожденныхъ челоуѣчествомъ. Его два романа—„Война и миръ“ и „Анна Каренина“—почти не имѣютъ себѣ равныхъ въ мировой литературѣ.

О Толстомъ, какъ пророкъ, апостолъ и философъ, основатель религіи,—я хотѣлъ бы сказать, что глубоко сожалѣю о порывѣ, увлекшемъ его въ эту сторону. Я не думаю, чтобы онъ въ этой области

что-либо подвинулъ впередъ. Художественное же его творчество сильно пострадало отъ сдвинутого философствованія.

Выразить мое мнѣніе о Толстомъ, какъ критикѣ и политическомъ дѣятелѣ, препятствуетъ мнѣ глубокое уваженіе, питаемое мною къ нему, какъ къ художнику.

Злень Кэй.

Мысли Толстого о любви и бракѣ, искусствѣ и общественной жизни, а также его проекты реформъ во всѣхъ этихъ областяхъ вызываютъ во мнѣ только чувство противорѣчія. Единственно въ одномъ направленіи апостольство его мнѣ кажется значительнымъ, въ томъ, гдѣ онъ раскрываетъ истинное содержаніе христіанства. Но тогда, какъ его вѣра состоитъ въ томъ, что все было бы хорошо, если бы мы вернулись къ первоначальному христіанству, я лично полагаю, что весь смыслъ его дѣятельности заключался въ обнаруженіи полной непримиримости между современной культурой и христіанствомъ, въ обнаруженіи неизбежнаго расхожденія между двумя этими духовными теченіями.

Въ Толстомъ я восхищаюсь только художникомъ. Я считаю его величайшимъ изъ нынѣ живущихъ изобразителей челоуѣческой жизни. Его острый взглядъ и тонкое чувство проникаютъ во всѣ глубины челоуѣческой природы; его изобразительный даръ одинаково совершененъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ живописуетъ формированіе, жизнь и гибель челоуѣческой души, и въ томъ, когда онъ описываетъ внѣшнія событія исторической и быденной жизни. Онъ обладаетъ тѣмъ рѣдкимъ соединеніемъ реализма и идеализма, какимъ могутъ похвалиться только величайше поэты.

Францъ Штунъ.

Въ Толстомъ я всегда живѣе чувствовалъ апостола, чѣмъ художника. Даже въ томъ его произведеніи, которое произвело на меня сильнѣйшее впечатлѣніе—„Власть тьмы“,—я глубже чувствовалъ воспитательный замыселъ, чѣмъ художественное исполненіе. Я не могу приписать Толстому какое-либо влияние на развитіе моего творчества.

Берта фонъ-Суттнеръ.

Я не могу отвѣтить на вопросъ, что больше цѣню въ Толстомъ: художника или апостола. Раздѣленіе для меня невозможно. Искусство Толстого вознесено на небывалую высоту могучимъ размахомъ его мысли, проповѣдь его оживлена необычайнымъ блескомъ его искусства. Вѣдь не спросите же вы меня, какая нота въ данномъ аккордѣ играетъ вамъ больше всего? На такой вопросъ нѣтъ отвѣта. Все величійшее аккорда состоитъ именно въ его созвучіи.

Проф. Вильгельмъ Оствальдъ.

Мнѣ трудно сказать, какое влияние имѣлъ Толстой на мое духовное развитіе. „Крейсера соната“, прочитанная мною на много лѣтъ позже ея появленія, сначала обезпокоила меня. Но скоро я нашелъ, что ея исходныя мысли преувеличены и односторонни. Точно такъ же и въ другихъ основныхъ взглядахъ Толстого я нашелъ такъ мало точекъ соприкосновенія съ моими взглядами, что при всемъ уваженіи къ честности и глубинѣ его мысли, я не могъ воспользоваться почти ничѣмъ изъ его проповѣди. Толстой ставитъ удареніе на личномъ совершенствованіи; я же полагаю смыслъ моего существованія въ общемъ благодѣйствіи людей.

* * Къ юбилею Толстого. Виленское отделение товарищества „просвѣщеніе“ послало Толстому телеграмму:

„Преклоняясь предъ Вами гениальный поборникъ правды и справедливости, шлемъ пожеланія чтобъ, Ваша жизнь и дивныя рѣчи еще долго-долго служили свѣточемъ русской жизни“.

Виленскій городской клубъ для лицъ интеллигентныхъ профессій привѣтствовалъ Л. Н. Толстого телеграммой.

— Общее собраніе членовъ Виленскаго шахматнаго клуба отправило Толстому слѣдующую телеграмму:

„Шлемъ сердечнѣйшій привѣтъ ко дню юбилея съ пожеланіемъ здравія и долгодѣя великому писателю земли русской, удѣлявшему рѣдкіе часы своего досуга также и шахматной игрѣ“.

— Виленскій еврейско - научно-литературный кружокъ отправилъ слѣдующую телеграмму:

„Глубоко чтимый Левъ Николаевичъ! Въ сей достопамятный день Вашего восьмидесятилѣтняго юбилея виленскій еврейскій научно-литературный кружокъ съ чувствомъ радостнаго благоговѣнія присоединяется къ тѣмъ привѣтствіямъ, которыя все культурное челоувѣчество шлетъ Вамъ, какъ великому гению земли русской и вдохновенному пророку правды и любви.“

Еврейскій народъ всегда былъ ревностнымъ носителемъ проповѣдуемой Вами великой истины, что Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ.

Да сохранитъ Васъ Господь еще на долгіе годы, на славу и гордость Россіи и на благо всему культурному челоувѣчеству“.

Свердлов - Западн. вѣст. 23 Янв.
1908

Петербургская хроника. (Отъ нашего корреспондента).

Въ послѣднемъ номерѣ еженедельника „Русскій Врачъ“ отдѣлъ хроники открывается слѣдующей заміткой:

„28-го августа весь культурный міръ пошлетъ свой низкій поклонъ великому писателю Русской земли Льву Николаевичу Толстому. Не считаясь съ общезвѣстнымъ отрицательнымъ отношеніемъ Льва Николаевича къ медицинѣ вообще и къ врачамъ въ частности,—и гении не бываютъ всесторонни,—отечественные врачи, разумѣется, не останутся безучастными къ этому мировому празднику слова и мысли и направятъ въ Ясную Поляну славѣ и гордости Россіи свой горячій искренній привѣтъ“.

Группа „русскихъ студентовъ въ Парижѣ“ прислала привѣтственную телеграмму Л. Н. Толстому слѣдующаго содержания: „Горько привѣствуемъ великаго писателя земли русской, титана мысли и духа, могучаго борца за свѣтлые идеалы человечества“.

Соборъ Западный Востокъ 22-го. 1908

Городскія дѣла

— С.-петербургскій городской голова Н. А. Рѣзцовъ 27 августа, поспалъ др. Л. Н. Толстому слѣдующую телеграмму: „Ст. Засѣка, Ясная Поляна. С.-петербургская городская дума въ своемъ послѣднемъ передъ лѣтними вакаціями засѣданіи единодушно поручила мнѣ принести вамъ отъ имени города С.-Петербурга горячее поздравленіе въ день наступленія восьмидесятилѣтней жизни, всемірно прославленной возникшия твореніями въ области отечественнаго слова и посвященной неустаннымъ личнымъ трудамъ и сердечнымъ заботамъ о просвѣщеніи и благоденствіи младшей братии. По возобновленіи послѣ вакацій собраній городской думы первое засѣданіе будетъ посвящено обсужденію выработанныхъ уже по порученію думы предложеній объ украшеніи вашихъ именемъ новыхъ городскихъ учрежденій, служащихъ дѣлу народнаго образованія и благосостоянія, какъ наиболее близкихъ вашему любвеобильному сердцу“.

Соборъ Западный Востокъ 22-го. 1908

Изъ Москвы

— Газета „Русскія Вѣдомости“ помѣщаетъ слѣдующій бюллетень о здоровьѣ Л. Н. Толстого: 20 и 21 августа у Л. Н. наблюдалась замѣтная слабость и упадокъ силъ, которыя возстановляются медленно. 23 августа наблюдалось значительное улучшеніе. Температура и пульсъ нормальны. Воспалительный процессъ уменьшился. Л. Н. находится еще въ постели, но безпрерывно работаетъ. Онъ диктуетъ своему секретарю въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Вчера Л. Н. чувствовалъ себя еще лучше: повидному, онъ окончательно поправляется. Температура нормальна. Опухоль спала“.

Соборъ Западный Востокъ 22-го. 1908

Послѣднія извѣстія.

Изъ ПЕТЕРБУРГА

Союзъ русскаго народа выпустилъ картину, изображающую Л. Н. Толстого съ рогами. Его окружаютъ нѣсколько извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей тоже въ видѣ чертей. Подъ изображеніемъ надпись: „Проклятый крамольный писака со своей своихъ единоплеменниковъ празднуетъ тризну жидовской революціи“. На обратной сторонѣ напечатанъ призывъ къ „истинно“ русскимъ людямъ не праздновать, а проклинать боготступника, котораго церковь прогнала изъ своего лоноа. Это издѣлье союзники раздавали въ день чествованія у церкви.

Соборъ Западный Востокъ 22-го. 1908

Группой служащихъ правленія об-ва подъѣздныхъ путей отправлена Л. Н. Толстому поздравительная телеграмма.

Соборъ Западный Востокъ 22-го. 1908

Херсонъ. Общее собраніе членовъ общественной бібліотеки, созданное для обсужденія вопроса о чествованіи Толстого, постановило, въ ознаменованіе 80-лѣтняго юбилея великаго писателя, поставить его бюстъ въ бібліотекѣ, учредить специальный Толстовскій отдѣлъ, въ который войдутъ, кромѣ произведеній Толстого, выдающіеся критическіе труды о немъ, назвать именемъ юбиляра отдѣленіе бібліотеки на окраинѣ города и открыть сборъ пожертвованій для образованія фонда имени Толстого и для пополненія бібліотеки новыми книгами.

Царицынъ. На частномъ совѣщаніи гласные городской думы рѣшили послать Л. Н. Толстому привѣтственную телеграмму. Представитель духовенства, присутствовавшій на совѣщаніи, протестовалъ противъ послышки поздравленія и вообще чествованія Толстого.

Л. Н. Толстому посылаются привѣтствія обществомъ врачей, редакціями мѣстныхъ газетъ, служащими земскихъ и городскихъ учреждений.

Съ начала эпидеміи заболѣли холерой 538, умерло 333, выздоровѣло 150. Среди лицъ, сдѣлавшихъ себѣ предохранительныя прививки, случаевъ заболѣванія не было.

Корчѣ. Администрация не разрѣшила родительскому кружку послать поздравленіе Л. Н. Толстому въ день его юбилея.

Вологда. Городская дума единогласно постановила въ день юбилея Л. Н. Толстого отправить юбиляру

Соборъ Западный Востокъ 22-го. 1908

привѣтственную телеграмму и поручить финансовой комиссіи разработать вопросъ о томъ, какъ увѣковѣчить имя великаго писателя въ Вологдѣ.

Соборъ Западный Востокъ 22-го. 1908

W Jasnej Polanie.

Jakkolwiek choroba hr. Tolstoja dotychczas się przedłuża i sędziwy pisarz nie weźmie osobistego udziału w swym jubileuszu, jednakże do Jasnej Polany zaczynają już nadchodzić listy i depesze gratulacyjne.

Jak donoszą dzienniki rosyjskie, akademja nauk wysłała w dniu jubileuszu dwie depesze do Tolstoja: jedną w imieniu samej Akademji, której członkiem jest Tolstoj od r. 1873, a druga w imieniu wydziału literatury pięknej. Wydział ten zaraz z chwilą swego powstania w r. 1899 mianował L. Tolstoja swym członkiem honorowym. Depeszę wysłał pod nieobecność prezesa Akademji wiceprezes Nikitin, a w imieniu sekcji akademik A. Szachmatow. Oprócz tego Akademja zamierza zorganizować posiedzenie publiczne na cześć Tolstoja.

Wieczor od swego korespondenta otrzymuje z Jasnej Polany garść następujących wiadomości:

„Do Jasnej Polany nie przestają napływać pozdrowienia ze wszystkich krajów. Bardzo niedawno otrzymał hr. Tolstoj list od młodej japon-

ki. List pisany jest po japońsku z przekładem na język angielski, dokonany przez pewnego literata angielskiego.

„Młoda japonka w bardzo wzruszających wyrazach błaga wielkiego starca, aby strzegł swego zdrowia dla dobra całej ludzkości.

„Edison zwrócił się z prośbą do hr. Tolstoja o pozwolenie mu zapisania na walcu gramofonowym jego głosu. Hr. Tolstojowi nie wypadło odmówić tej prośbie, i wkrótce agenci Edisona przybędą do Jasnej Polany, aby uwiecznić głos wielkiego pisarza dla potomności.

„Pewne francuskie Towarzystwo, przygotowujące filmy kinematograficzne, prosiło hr. Tolstoja o pozowanie dla kinematografu. Hr. Tolstoj kategorycznie jednak odmówił.“

KURJER WARSZAWSKI. — Dnia 11 września 1908 r.

29-A. 1908

Petersburg 10-go września. — W wielu miastach państwa 80-tą rocznicę urodzin Tolstoja obchodzono dzisiaj wieczorami literackimi i zgromadzeniami.

KURJER WARSZAWSKI 29-A. 1908

Grāfs Lēvs Tolstojs.

Batar šarā muišā Jasnaja-Polana grāfs Lēvs Tolstojs viņā kluķā, šarū gimenēs lozēku šarpā švineja šarū 80. dšmuma deenu. Lai gan ārmais dšneeks pats no viņām gobinašānām atšajēes, tomēr viņa išglītota pāsaule lībds ar Kreeriju švineja leelata no tagad dšhw-
 jošēem kreeru rāšneekēm goda deenu. Kas gan nepāšst išglītota pāsaule Tolstoja „Anna Karenina“ un „Kareš un meers“? Leels ir arī Lēvs Tolstojs tā jilweks šaur to, ka viņš mehjinajis pats šawas idejas išweš dšhw. Iš-
 glištota pāsaule weenprāhtigi šerū Tolstoju gobina tā ma hšllineeku, tā dšejneeku. Weišamā laika winam radušēes dauds pretineeku, taheht ka viņš pats no mahšlas atšajēes un tapis par daščadu ideju šudinataju. Šaur to ir notis, ka viņš rabijis konfliktu šarp šewi un daudšēem šaweem žeenitajēem. Bet arī daščos. tajos rāšlos, šuros viņš šudina šawas daudšreis pawišam šawadās idejas, Tolstojam pašam warbuht negribot leelais mahšlineeks ar wišu špehu laučšas šauri. Tā wiņa „škrejera šonai“, šurā viņš šudina neešpešjamo plinigo atturibu meššā šatishmē šarp wišreeti un šeweeti, no paleekamas mahšlas wehtitibās ir šitai širmā šahša data. Atšahjot plaščaku aprāšņu par šerū Tolstoja rāššēem žitai reišai, arī mehš latweešči pēešedrošamees wišai išglītota pāsaulei, apšwešdami wiņu wiņa 80. dšmumbaenā tā weenu no leelatajēem rāšneekēm pāsaules literatūrā.

Mabjas Weetis.

Rigā, 29. augustā.

1908

Jasnaja Polana. Jubilejas gadījums. Jasnaja Polana no wišām pāsaules datām šapuhšot daudši šweijinajumi. Nešēen atnahšuse wehšule, šas biuše rāššita šapanu walebā ar tuktošumu angļu walebā, šuru išdarijis šahds angļu rāšneeks. Wehšules autors, tā „Wetšer“ šino, ešot šahda šapanēē, šas alšrahšloščos wahrdos apšweijinajot rāšneeku un luhšot, lai viņš šaupot šewi un šarū weš-
 libu preešč jilwezes laimes. Ešišons pēe Tolstoja grešēes ar luhšumu, lai atšahjot gramafonā ušnemt wiņa balši. Tol-
 stojam bijis neweišli luhšumu atraidit. drihšumā Jasnaja Polana eeraščhotees Ešišona agentu un širmā kreeru rāšneeka balši šis ušglabata nahšošām paaušēm. Šahda šrantšku šompanija, šas išgatawo šinematografa leetas, Tolstoju luhšuse pošet, bet viņš no tā kategorijst atteijēes.

M. W. 29. 8. 1908

— **Tolstoja jubileja.** Augstākās šferās, tā „M. Ruš.“ wehšā, šahda lehmums Tolstoja jubilejas leetā nahšis šinams šitai pehš wiņa nodruščāšanas. Ari minisiru padomes preeščneeks Štoljšins ar šinoda lehmumu eepāšnees no dru-
 katās blānās. Pāsauligā wara šarū špreedumu šini leetā wehš narw deruše.

M. W. 29. 8. 1908

— **Grāfeenes Tolstoja pašlaidrojums** Tolstoja gobinašānās leetā. Grāfeene Tolstoja iššino galwas pišēstas laišraštis, ša grāfs Lēvs Tolstojs šawas mahšas wešēlibās deht šarā dšmāšanas deenā newarēt pēenemt pat ne wištūwat šahwosču šersonu.

Mabjas Weetis.

29. 8. 1908

Ģekšskeme.

Svehtā sinoda īstādrojums par Tolstoja subtilās svītnešanu.

„Pet. tel. ag.“ no 22. augusta lino: Ģewehrojot faga-
tawošānos uš grafa Ķewa Tolstoja 80. dšmuma deenas swi-
neschanu swehtais šnods nolēmis, greeštees pee pareištišgās
bašnizās peederigeem ar šadhu īstādrojumu, turā weenšahrt

gan teet atšihš, ša Tolstojs šomas literarišās darbības septin-
desmito gadu laišmetā kreeru šabedribu apbalwojis ar daudš
eewehrojameem šajerejumeem, šuros šija nowehrojams šajeres-
taja atšihšlams domu dššums un retas dašwonas preekš
dššwes parādbibu nowehrošānas un to pareišās nowehrte-
šānas un ar to wiņš eemantoja teešbu, ša wiņu apšihmeja
par weenu no dišhateem raššneeseem neween kreeru, bet ari
pašaules raššneezibā, bet ari otršahrt aišrādītis uš to, ša
Tolstojs wehlat sem paššleelības eešpaiba šawā literarišā dar-
bībā štrauji pašrmainišeš un ušdroščinaješ wadit kreeru ša-
bedribu un wiņas pamāšhibu neween wiņas garigā dššwe,
bet ari wiņas šojalās dššwes šabribā. Ar šawu māšhibu
wiņš wišu to īspostijis, šas weenigi atšihšlams par patees
šaprahtigas un tiktumigas priwatas, ša ari atšahšas dššwes
pamateem, proti šeešhu un dššhu tizibu šristus māšhibam.
Tolstojs parādīšeš par šuhrgalwigu pretineešu pareištišibai
un pret bašniju īšrādījis tiššhu nešeenību. Šadha šilwewa
gobinašchana, šas no šristus atšajīšeš, no bašnizās atkritis
un 1904 gadā atšihš par šadhu, šas uš weenas pašahpes
šahw ar paganeem, warot šojelt pee negatīwajeem un šchau-
bišeem tiktai peedaušibu. Šapeh šnods ušaižinot wišus pateršos
bašnizās deklus, atturetees no peedaišchānās grafa Tolstoja
gobinašchana un tā nowehst Deewa šebu. Ar šawu swehtību
šnods eewehl eparchiju preekššneezibam gahdat par to, ša
šaudis īplatās rakst, šuros aišrādītis uš Tolstoja māšhibas
nepareiššbam un weetejām reliģištām un apgaismības brā-
libam, beedribam un grupam pašchām atwehst īšraudst šchadbus
rakstus.

W abias Weesi. 22. Aug. 1908

— Kiselegums swinēt Talsiņa bīskuma
deenu. „Gol. Kōstīvi” sīno, ka Talsiņas pilsētas valde
sāņēmuše ofīcielu pastojumu no weekjās administrāzijas
nepeesalst E. M. Tolsioja 80-gadu bīsmēšanas deenas godina-
šanā. Seivekroto šo rīktojumu, jautājuma apspreešana
par šīs deenas swinėšanu atlikta no pilsētas domes lahe-
tības. Tahdi pat rīktojumi ijdoti Simbirskas, Tambowas un
Tulas gubernāds.

M. W. 22. dt. 1908

Talskrakstu apskats.

Sw. snods un Tolsiojs. Par „Pet. tel. ag.”
iisīnato sw. snoda pastatdojuma kēnā rāstīneka gobināšanas
leeta „Now. Wremjā” lasām:
„Notikuse pavisam netīgama leeta. Tāi tālā, tad wisa
Kreemija, wisattāplātos wīnas tāltoš, šķīrīdama weenu
woj otru Tolsioja rāstītu krahjumu, domās noet uš Tolsioja
Pofanu un runā wisāltātos wāhrdus leelajam rāstīneekam,
kurš pūschojis pūs gaduštenti fawu semi un tautu — tāi
tālā no fenata lautuma Peterburgā atkāneja bāls, kura peh-
Spanijas infokizijas parauga lsteiza fawu — „veto”.

„Garīgais refors parastā kanzlejas formā īssuhtija pa-
piru, kurš atzina „pareistizigās draudzes arwis” atturetes no
grāfa Lewa Tolsioja gobināšanas un žaur to glabht semi
no Deewa foda, atminotes, ka „Deews netaujās sal-
motes...”. Bet katra pareistizigā žilweta diwehele ir pahr-
leezinata, ka Deewa fods netaf nelīfēs wādītes fawos spre-
dumos no sčhem papīreem, bet buhs daudsmas patstahwigs
un neatkarīgs no sčhem snoda lehmumeem, jo teefas deenas,
kuru mehš fagaīdam wehšlures un pasaules beigās, netaf tad
nebuhtu, ja garīgā koleģija jau par wīseem, tālneem un ne-
netafneem, nolentū netafdīgi fawos „notefumos” un fawos
„pawehleja”.

„Atgreeschotees pee Tolsioja, mums jāpeesīhne, ka netaf
naw jāpeesīhrt wīna teologīfkeem eestateem, ne wīnu kopībā,
ne tāhdā wīnu dāā, bet mums jāfata un jāatgāhdina lasī-
tajeem, ka teef gobinata netaf Tolsioja „teologīfā darbība”,
kā tas nepareisī fāzīs snoda papīrā, bet šā leetā žilweta
p e r s o n i b a, ar leelāto eemehtību pret wīna mahšlas
rašchojumeem. Un uš šo gobināšanu, netaf neapwaino-
jot fawu tizību, ir pilnīga teefība freeru pareistizigai tautai,
kā wīnas īgalhtotai, tā ari weentahēščai šķīrtai. Netaf
šo godu un nenemt dalību šāini gobināšanā — buhtu ne-
pateizīgi no fabeedribas un eedšhwotoju pūfēs, jo wīnai ir
teefība netaf par to fawu spreedumu. Šchm spreedumam
netaf naw wjadfīgi atfahdījumi un pahrlabojumi no malās,

jo wīnai ir pilnīgi tāltnība. Tahdejabi Kreemijā nedrīhstetu
flawet Pasteru, tadeht ka wīnšch bija katolīš, woj ari Gum-
boltu, tadeht ka wīnšch bijis luterans. Garīgā reforā tālām
maf lasīti Tolsioja mahšlīneka darbi, un wīna peeschīhruše
noshmi tāfai tur īslāfkeem wīna teologīfkeem traktateem,
kureem fabeedribas azīs netaf naw bijis seiwīščas noshmes.
Pee literarīfšām gobināšanām, pee tāhdām peeder ari Tolsioja
jubileja, teef nemti wehrā tāfai literarīfšai darbi, un netaf
tad neprahto par tizību, religiju woj hāsnīžu. Tās ir žitas
ščķīrtas parahdības, kuras slahju glūhči atfemīschti. Tās ne-
drīhst fājaukt. Religija netaf nejuhtas apwalnata, ja teef
īsteifta ušlawa un preeks par mahšlas raščhojumeem.

„Mehš esam pahrlleezinati, ka wīš freewi, palīfdami
pareistīgi un zeefchi pareistīgi, war ar wīšu fīrdi netaf
freeru literatūras leelajai swēhtu deenai, deenai, tad teef
gobinat weens no muhšu leelāteem rāstīneekem.”

Mahjas Weefis.

22. dt. 1908

Petersburg. Die Ehrung Tolstoi. Die Feuilletons, in Wort und Bild wird der große Schriftsteller gefeiert. Selbst Menschikows Stimme ertönt preisend im allgemeinen Chor der Pressestimmen. Die „Birsh. Wied.“, deren Abendnummer vom 28. August sich fast nur mit Tolstoi beschäftigt, haben eine Rundfrage über Tolstoi bei einer Reihe von russischen Schriftstellern veranstaltet, deren Antworten das Blatt mit den Autographen der einzelnen Schriftsteller wiedergibt. Die „Now. Wr.“ bringt eine illustrierte Beilage mit Bildern aus dem Leben Tolstoi.

Aus Jassnaja Poljana traf am 28. August ein Telegramm folgenden Inhalts ein: „Tolstoi erholt sich, er ist rüstig, liest selbst Briefe, unterschreibt eine Menge Anzeigen. Aus allen Dörfern treffen Glückwünsche und Glückwunschadressen ein.“

Die Telegraphenstation Saffela bei Jassnaja Poljana arbeitete Tag und Nacht. Es wurden innerhalb 24 Stunden mehr als 2000 Telegramme empfangen. Nicht nur aus Rußland treffen Telegramme ein, sondern auch in großer Zahl aus London, Paris, Berlin, Stockholm, Kopenhagen, Newyork, Bern, Wien, Rom, Konstantinopel, Sophia, Baden-Baden, Karlsbad, Prag, Christiania, Dublin, Mailand, Krakau, München, Haag, Newcastle und Brüssel. Eine Menge Verehrer des Grafen begeben sich nach Jassnaja Poljana. Besonders viele Vertreter sind von den gelehrten Körperschaften in Moskau, Kasan, Kiew und Charkow entsandt worden. Graf Tolstoi ist zum Ehrenmitglied vieler ausländischer Akademien und Universitäten erwählt worden, sowie zum Ehrenbürger einer Reihe russischer Städte, unter denen sich auch Moskau befindet. Graf Tolstoi ist ganz rüstig und ging den auf der Station Saffela eintreffenden Gästen entgegen.

Trotzdem die Ehrungen von der Administration gestattet wurden, haben doch viele gelehrte und wissenschaftliche Gesellschaften die Jubiläumsehrungen auf den Oktober und November verschoben. So wird die Festsitzung der Akademie der Wissenschaften erst im Oktober stattfinden, nach Ankunft des Erlauchten Präsidenten der Akademie.

Eine nicht gerade geschmackvoll zu nennende Guldigung hat der bekannte Schriftsteller Andrejew dem Grafen Tolstoi zu teilwerden lassen. Er hat ihm seine „Erzählung von den sieben Gehängten“ gewidmet, auf sein Eigentumsrecht an dieser Erzählung verzichtet und es zum allgemeinen Besten freigegeben.

Duna Zeitung 29. u. 1908

Latkrakstu apskats

Tolstoja jubilejas deenā galvas pilsehtas laitraksti pajneedi garastus rakstus par leelo kreivu rakstneeku. Dauds no galvas pilsehtas laitraksteem pajneedi ari Tolstoja gihmetnes. Pat „*Nov. Vremja*“ rakstā: „*grasfa R. L. Tolstoja 80 gadu dšimšanas deenā*“ atšiti Tolstoja rakstneela un mahtšineela nosišimi un norahda, ka Tolstojam leela nošime pee ta, ka kreivu literatura kluuse pašstama wijs pajaulē. Ar asiniibu „*Novoje Vremja*“ istalas par Tolstoju ari rakstā „*Kreemija un Lews Tolstoj*“. Progrešivo laitrakstu ipreediimi, japrotais wehl asiniigati „*Slovo*“ Tolstoja jubilejas deenai seebu diwus wijspahrigus cewadraftus, tahtat „*R. R. Tolstoja tišumistā mahziba*“, „*Šilwezes apšina*“, „*Amiinas par R. R. Tolstoju*“, „*Uwara par nahši*“ un daudš žitus rakstus. Wes tam šchis laitrakstis pajneedi diwas Tolstoja gihmetnes, weena no tam šimehta no mahtšineela Ginzburga Jafnāž Potanā 7. augustā 1908. g. Wairat rakstus Tolstoja jubilejas deenā jneedi ari „*Ketš*“, siarp žiteem: „*R. R. Tolstoja jubileja*“, „*Tolstoja mistižisms*“, „*Tolstojis tā deewahjību mahzitojs*“. Ari Peterburgas wahžnu laitrakstā „*S. Petersburger Zeitung*“ 28. augusta numurā nodrukats garast rakstis „*Lews Nikolajewižs Tolstoj*“, lura atšista Tolstoja leela peršoniba. Majstawas laitraksti „*Slovo*“ „*Nov. Vremja*“ un „*Nov. Slovo*“ dod pee 28. augusta ihpašchus peelitumus ar Tolstoja gihmetnem no daščadeem laitmeeem wiina dšihwe. Sawadi wijsdš šchejds jubilejas atšautumds štan weeteja kreivu laitraksta „*Riškij West. a i t a*“ beidšamee wahždi walarbeenas jubilejas rakstā: „*R. R. Tolstojis naw wehl jazijs beidšamo wahždu. Naw nemas necešpehjami, ka wiinšch jawa muhšcha beigds wijsdš sawus pehdejo gadu rajchujumus nosauls par malbiščhanos*“.

Par Tolstoja jubilejas deenu plasčā Kreewijā šinostim wehlat, ka buhs šalopotas šinas, žit to atlaus muhšu apšahli.

Dšimt. Wehstn. 29 ab. 08
N 200
Up. Dšymus rajef

Jaunakās šinas.

Peterburgā, 28. augustā. Laitrakstam „*Slovo*“ par Tolstoja wešelības šahwotli 27. augustā šino: „*R. R. Tolstoja wešelības šahwotlis ušlabojas*“. Šcho deen Tolstojis pirmo reiši paštaigajās pa istabu un celureja pusdeenu pee šopiga galba. Jafš nājā Potanā šarem milšigi daudš telegramu, wehstutu un dahwanu.

O cweš župols 1908
Dšimt. Wehstn. 29 ab.
N 200

— Law. Amatin. beedribas teatrs atšahj šwehtdeen, 31. augustā, sawu sešonu, išrahdoi „*Kruschota*“ šahle Tolstoja 5 zehleenu dramu „*Tumšibawara*“, šchahdā šahriā peeminot un godinajot leela rakstneeta 80. dšimundeenu. Šchi išrahde apšola jautu mahtšlas daudšijumu, neween tā jau šopšch ilgata laika ruhšigi šogatarwota, bet ari zaur apšahli, ka pee wiinas nem dalibu tā šchejeenes kreematee špehti, tā ari it šewišchli weests rešchisors *Aleksanders Greimans* no Rigos, kas lugu wada un ari tā atleers uštahjas *Mitšas Iomā*.

Dšimt. Wehstn. 29 aug 08
N 200

*Braufs w. ar
 6. August 1908*

КЪ ЮБИЛЕЮ Л. Н. ТОЛСТОГО.

По телеграфу отъ нашихъ корреспондентовъ.

КИБЕВЪ, 29 августа.

Вчера въ собраніе общества распространенію образованія въ народъ, посвященное Л. Н. Толстому, явился большой народъ полици. Докладъ председателя общества профессора Перетца о Л. Н. Толстомъ, какъ художникъ, вынось академический по содержанию прерывался два раза помощникомъ полицеймейстера и не могъ быть законченъ. Другой докладъ, проф. Иванова, о Л. Н. Толстомъ, какъ педагогъ, въ самомъ началѣ былъ прерванъ помощникомъ пристава, закрывшимъ при этомъ засѣданіе.

Губернаторъ Чикачевъ предложилъ всѣмъ лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, воздержаться отъ подписанія адреса отъ имени Л. Н. Толстому, угрожающаго въ противномъ случаѣ серьезными послѣдствіями. Преподавателю Александровскому посвящено учебнымъ начальствомъ про-

читать рефератъ на юбилейномъ спектаклѣ подъ угрозою увольненія.

Въ Переяславѣ, по распоряженію полиціи, конфисковано иллюстрированное приложеніе къ «Кіевскимъ Вѣстямъ», посвященное Л. Н. Толстому.

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, 29 августа.

Л. Н. Толстому посланы телеграммы редакціями трехъ мѣстныхъ газетъ, коммерческимъ и приказничьимъ клубамъ.

ТУЛА, 29 августа.

Предположенный къ прочтенію въ обществѣ образованія докладъ учителя гимназіи Токарскаго «Толстой какъ педагогъ», неожиданно снятъ авторомъ и вмѣсто него другимъ лицомъ прочитанъ рефератъ: «Тургеневъ и Толстой въ ихъ произведеніяхъ». Это все, въ чемъ выразилось чествованіе обоихъ писателей въ Тулѣ.

БАТУМЪ, 29 августа.

Правленіемъ батумскаго общества народныхъ университетовъ отправлена слѣдующая телеграмма «Русскимъ Вѣдомостямъ» по поводу восьмидесятилѣтія Л. Н. Толстого:

«Привѣтствуемъ великаго писателя земли русской въ сегодняшний столь знаменательный для русскаго просвѣщенія день».

Телеграфныя привѣтствія посланы и отъ разныхъ общественныхъ группъ и учреждений.

КЕРЧЬ, 29 августа.

Со вчерашняго дня здѣсь распространяются въ большомъ количествѣ листки и брошюры таврическаго епархіальнаго вѣдомства противъ Л. Н. Толстого. Листки посвящены полемикѣ съ симферопольской газетой «Южные Вѣдомости».

Вчерашнее засѣданіе городской думы было посвящено вопросу о чествованіи Л. Н. Толстого.

Телеграммы московскихъ газетъ.

Вятка. «Вятская Рѣчь» посвятила Л. Н. Толстому почти весь номеръ. Официальный «Вятскій Вѣстникъ» помѣстилъ также нѣсколько статей, посвященныхъ Л. Н. Толстому. Одно частное лицо внесло въ редакцію газеты 100 рублей на устройство библиотечнаго читальни имени Толстого. Миссіонеръ Айвазовъ, съ благословенія архіерея, выпустилъ брошюру противъ Толстого. Въ мѣстномъ театрѣ въ воскресенье состоится спектакль изъ произведеній Толстого.

Христіаніи. Всѣ вышедшія сегодня газеты посвятили Толстому восторженные статьи. Национальный театръ сегодня вечеромъ дастъ спектакль въ честь Толстого.

Парижъ. Изъ всѣхъ парижскихъ газетъ статьи о Толстомъ помѣстили только «Humanité» и «Aurore». Аполонъ Франсъ называетъ Толстого «Гомеромъ нашихъ дней».

28 августа на дачѣ П. Е. Рѣпина въ Куонкама собрались знакомые и почитатели Л. Н. Толстого, которые отпраздновали въ тѣсномъ кругу юбилей. Присутствовали, между прочимъ, П. Я. Гиппбургъ, кн. Паоло Трубенцой, пр.-доц. Каль и другіе. Комната въ которой собрались гости, была украшена бюстами и портретами Л. Н. Было выставлено все то, что имѣется у П. Е. Рѣпина о Толстомъ. За обѣдомъ читались отрывки изъ разныхъ произведеній Л. Н. Читали П. Е. Рѣпинъ и М. Я. Гиппбургъ.

Вечеромъ въ саду была устроена иллюминація. Къ этому времени на дачу прибыли ученики мѣстной финской школы во главѣ съ учителемъ. И. Е. Рѣпинъ объяснялъ дѣтямъ значеніе юбилея. Послѣ этого дѣтямъ были розданы портреты Толстого.

Всѣ участники скромнаго торжества въ заключеніе отправили Л. Н. привѣтственное письмо.

29 августа состоялось засѣданіе правленія с.-петербургскаго педагогическаго общества, на которомъ правленіе постановило: 1) устроить въ ближайшемъ будущемъ обществѣ литературный музыкально-вокальный вечеръ, на которомъ, между прочимъ, будутъ прочитаны предѣлѣмъ общества А. М. Липовскихъ, А. Н. Острогорскихъ и Н. В. Чеховымъ рефераты о Толстомъ на слѣдующія темы: «Толстой въ народной школѣ», «Дѣти въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого» и «Мысли Толстого о воспитаніи и современныхъ педагогическихъ ученія», и, во-вторыхъ, послать Л. Н. Толстому привѣтственную телеграмму.

Въ засѣданіи педагогическаго комитета с.-петербургскаго коммерческаго училища 1-го товарищества преподавателей 28 августа постановлено:

1) учредить при училищѣ двѣ стипендіи имени Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева; 2) повѣсить въ училищной залѣ портреты обоихъ писателей; 3) устроить въ училищѣ въ ближайшее время два литературныхъ вечера: толстовскій и тургеневскій, и 4) привѣтствовать Л. Н. Толстого телеграммой.

Общество врачей новгородскаго губерніи въ засѣданіи 20 августа постановило ассигновать 25 руб. и открыть между членами подписку на образованіе фонда для открытія въ Новгородѣ народной школы имени Л. Н. Толстого. Въ томъ же засѣданіи собрано для этой дѣли 50 р.

Общество художниковъ въ Москвѣ послало Л. Н. художественный альбомъ вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о единогласномъ избраніи его почетнымъ членомъ общества. Альбомъ наполненъ рисунками, исполненными самими художниками. Среди нихъ есть нѣсколько рисунковъ И. Е. Рѣпина.

Кромѣ перечисленныхъ у насъ телеграммъ и привѣтствій, отправлены еще привѣтствія: отъ комитета общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, отъ служащихъ правленія общества ризанско-уральской жел. дор. отъ служащихъ материальной службѣ сѣверо-западныхъ ж. д. (за подписью 50 лицъ), отъ группы корейцевъ, проживающихъ въ Петербургѣ и отъ еврейскихъ ремесленниковъ въ Петербургѣ.

Отъ имени всероссійскаго учительскаго союза послана была 28 августа Л. Н. привѣтственная телеграмма.

Привѣтственные телеграммы изъ Новгорода Л. Н. Толстому посланы: городское управленіе, совѣтами народныхъ библиотекъ имени Некрасова и Никитина, народнымъ клубомъ и группою почитателей Л. Н.

Посвященное Л. Н. Толстому собраніе кievскаго общества распространения образования въ народѣ было прервано полиціей (Соб. тел.).

Рига 30-го. 1908

Изъ Саратова, по словамъ мѣстнаго «Вѣстника», послана однимъ священникомъ Л. Н. Толстому телеграмма слѣд. содержанія. «Привѣтъ тебѣ, великій писатель земли русской, дорогой графъ Левъ Николаевичъ! Отъ смиреннаго богомольца твоего, священника въ знаменательный восьмидесятилѣтній юбилейный годъ твой. Да будетъ миръ въ душѣ своей, впадшей въ разладъ съ прежнимъ своимъ мировоззрѣніемъ. Да дастъ тебѣ Всевышній память крѣпку въ день сей о словесахъ древнихъ: «не отвержи мене отъ лица Твоего въ день старости моея, егда оскудѣетъ крѣпость моя»... И да проститъ тебѣ Господь грѣхи вольные и невольные, аристократическіе и крестьянскіе. Прощай тебѣ Господь дорогой графъ, и ми-

луешь въ дни старости твоя. Смиренный богомольецъ твой, священникъ (такой-то)».

Въ воскресенье, 25 августа, въ Саратовѣ былъ выпущенъ № 93 «Братскаго Листка» (официальный органъ еп. Гермогена), въ которомъ помѣщено «архикастерское обращеніе» къ духовенству и православному народу, подписанное: смиренный Гермогенъ, епископъ саратовскій и царицынскій. Въ статьѣ этой, посвященной Толстому, великій писатель называется «растлителемъ», «разбойникомъ», «отвратительнымъ развратникомъ», «лудю» и пр. эпитетами. Обращеніе заканчивается словами: «анаема тебѣ, подлый разбѣсившійся престестникъ! Анаема тебѣ, развратитель и убійца нашего дорогого и нѣжно любимаго юноше-

ства! «Проклятіе тебѣ!» и т. д. Въ томъ же № «Бр. Л.» помѣщена извѣстная молитва о. Кронштадтскаго о скорѣйшей смерти Толстого и друга евреевъ Витте», благодарность губернатору графу Татищеву за отміну постановленія думы о чествованіи Толстого и пр.

Этотъ номеръ «Листка», напечатанный въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, разосланъ во всѣ уѣздныя благочинническія округа, причемъ предписывается благочиннымъ непрестанно совершать утреннія и вечернія богослуженія въ день юбілея Л. Н. Толстого, 28 августа, а затѣмъ 29, 30 и 31 августа, на богослуженіи, вмѣсто проповѣди, читать № 93 «Братскаго Листка», гдѣ графъ Толстой предается анафематствованію.

Рига 30-го. 1908

Здоровье Л. Н. Толстого возстановляется. Въ Ясную Поляну продолжаютъ притекать привѣтствія со всѣхъ концовъ міра. Получено поздравленіе отъ великаго князя Николая Михайловича.

Рига 30-го. 1908

ВЪ ЯСНОЙ ПОЛЯНѢ.

По телеграфу отъ нашего корреспондента.

ЗАСѢКА, 29 августа.

Здоровье Л. Н. Толстого продолжаетъ улучшаться: онъ пробуетъ немного ходить по комнатѣ.

Не прекращается потокъ телеграммъ со всего міра—потокъ любви и глубокого уваженія къ преклоненія.

Присланъ англійскій адресъ—книга въ 45 страницъ, заполненныхъ подписями.

Л. Н. получилъ поздравленіе отъ Великаго Князя Николая Михайловича.

Изъ множества привѣтствій европейскихъ писателей выделяются поздравленія Гаутсмана и Бьернсона.

Особенно много привѣтствій прислано отъ учителей.

Телеграммы доставляютъ несмотря на самые краткіе адреса; такъ, за границей принимались даже телеграммы съ адресомъ: „Ясная—Толстому“, хотя въ указателѣ, какъ извѣстно, Ясная Поляна не обозначена, потому что телеграфное отдѣленіе находится въ Засѣкѣ.

Речь 30-го. 1908

Иностранные писатели о Толстомъ.

Германъ Бангъ (Копенгагенъ).

На мое творчество оказали сильное влияние всѣ великіе русскіе писатели. Поэтому мнѣ трудно сказать, какое влияние принадлежитъ именно Толстому. Думаю, впрочемъ, что главнымъ моимъ учителемъ былъ Гоголь. Что касается Толстого, какъ проповѣдника, то я восхищенъ титаническимъ духовнымъ ростомъ этого великана, но полагаю, что надо быть русскимъ, чтобы вполнѣ оцѣнить его общественное значеніе.

Юлій Бирбаумъ (родоначальникъ модернистской нѣмецкой лирики).

Всѣмъ писателямъ я ставлю Достоевскаго, къ Толстому же ощущаю глубокую антипатию. Быть можетъ, для Россіи этотъ запоздалый апостолъ былъ счастьемъ, даже необходимою. Для насъ, европейцевъ, было бы весьма сомнительнымъ благобытіемъ, если бы пламенная его первобытныхъ инстинктовъ перерослась къ намъ. Толстой несомненно величавъ, но средневѣковая фигура; лишь въ родѣ русскаго Саванароллы. Поражаетъ и вынуждаетъ къ благоговѣнію великая честность Толстого. Но мы должны радоваться, что насъ освѣщаетъ ласковое солнце Гете.

Комитетъ представителей научныхъ и литературныхъ организацій при Сиб. университетѣ проситъ насъ сообщить, что общестуденческій сборникъ, посвященный Л. Н. Толстому, выйдетъ въ концѣ сентября или началѣ октября с. г. Рукописи товарищей студентовъ (какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ университетовъ) должны быть присланы не позже 20 сентября по адресу: Сиб. Пушкинская ул. 19, Б. Е. Нащокову.

Речь 30-го. 1908

Проф. Ванъ-т-Гоффъ (основатель стереохиміи).

Тѣ произведенія Толстого, которыя я прочелъ, были для меня отдаленкомъ изъ далекаго чуждаго міра, съ которыми я не имѣю никакихъ точекъ соприкосновенія.

Гуго Ф.-Г. офмансталъ.

Безконечно трудно зарисовать духовныя черты этого человека. Ему сузилъ рокъ бросать всегда двойственный свѣтъ.

Его европейскій и русскій обликъ попеременно выступаютъ передъ нашими глазами. Нельзя увидѣть одного, чтобы сейчасъ же не вспомнить о другомъ.

Такъ же трудно соединить и раздѣлить въ немъ спущено изъ слова великаго художника—реалиста и словоблуднаго христіанскаго реформатора.

Величественное созданіе его проникнуто какинъ-то мистическимъ язычествомъ, но, быть можетъ, художнику не хватало полной и послѣдней искренности и на кѣсто таинственной собственной истины всталъ формулы существующаго христіанства. Часто напрашивалась аналогія между Толстымъ и Руссо, какъ великимъ провозвѣстникомъ гражданской революціи.

Толстой величайшій создатель образовъ всѣхъ временъ. По художественному генію французскій великій ораторъ безконечно уступаетъ ему, но фигура Руссо выделяется на прозрачномъ духовномъ фонѣ, тогда какъ за Толстымъ чувствуется величественный, но вереварскій русскій пейзажъ. Толстой—самая таинственная фигура, когда либо вызывавшая изумленіе людей, и если будущая легенда о немъ будетъ такой же могучей и полнокровной, какъ онъ самъ, то она придастъ ему многія черты охотника Еропки изъ его восхитительнаго разсказа «Казакъ», черты образа, бывшаго одновременно чѣловѣкомъ, русскимъ и природнымъ демономъ.

Максъ Бургартъ.

Толстой одинъ изъ истинно великихъ людей. Онъ сторонникъ и провозвѣстникъ мира, но настолько могучій и увлекающій, что онъ долженъ былъ поднять бунтъ въ той странѣ, гдѣ призванъ къ добру, любви и миру равнозначенъ, призывамъ къ борьбѣ противъ существующаго.

Израиль Зангвиль.

Въ Толстомъ меня особенно восхищаютъ нравственная духовность и возбуждающая сила изобразительнаго, чудеснаго, можно сказать, пародоксальнаго образнаго соединенія въ одномъ человѣкѣ. По моему мнѣнію, это величайшая изъ живущихъ на землѣ личностей, и тотъ фактъ, что произвела его на свѣтъ Россія, ярко свидѣтельствуетъ о культурныхъ возможностяхъ, заключенныхъ въ этой средневѣковой странѣ.

Речь 30-го. 1908

ПЕЧАТЬ.

„Свѣтъ“, еще недавно приветствовавший синодское послание, теперь устами Шарапова высказывает тяжкія соображенія.

Не знаю, какое впечатлѣніе произвело оно на читателей, но на меня необыкновенно тяжелое. Разумѣется, владыки, осуждающіе Толстого и рекомендующіе православнымъ людямъ не принимать участія въ его чествованіи, вѣдѣтъ правду. Но не тѣмъ тономъ написано это воззваніе, въ какомъ бы нужно его написать. Воззваніе поражаетъ своей ледяной холодностью, своей—да будетъ мнѣ позволено такъ выразиться—казенной правотой.

Какъ? Левъ Толстой отпалъ отъ церкви, Левъ Толстой богохульникъ, а потому хоти отъ и великій художникъ (это отныне синода не отрицать), но вы, православные, держитесь отъ его чествованія подальше.

И только? И только. Владыки исполнили свой пастырскій долгъ, объяснили, предупредили—а чуть не сказали: очистили «померь»—и успокоились.

Никому не пришло и въ голову, что отпаденіе отъ церкви графа Льва Толстого есть величайшее національное несчастье, какое только можетъ постигнуть культурный и міровой народъ, несчастье, много большее, чѣмъ любой Седанъ, любая Пусима, ибо тамъ было банкротство военнаго или морского могущества страны, а здѣсь банкротство ея духа, банкротство ея сознанія и совѣсти.

Газета напоминаетъ, что Толстой и составляетъ въ этомъ отношеніи искюченія.

Неужели подобный фактъ не достаточно, чтобы ослѣпить душу ужасомъ, повергнуть чуткое сердце въ величайшую скорбь, отчаяніи и страхъ за будущее? Смотрите: пораженъ нашъ національный мозгъ. Страшная болѣзнь отрицанія окватила и отравила лучшіе умы, погубила множество яркихъ талантовъ. Измученный въ борьбѣ съ этимъ недугомъ сомнѣлъ въ могущу великій Гоголь. Тотъ же недугъ коснулся яркій, какъ брилліантъ, талантъ Владимира Соловьева.

Что же это означаетъ и можно ли отдѣлываться такими послѣдствіями?—

Нѣтъ, не холодно-капеллярское предубежденіе нужно въ это время, а великое всенародное покаяніе. Руятся на куски пышные парчевыя ризы и пепелъ ваяется на головы нашихъ духовныхъ руководителей. Неужели не чувствуютъ они, что не такъ и не туда ведутъ они насъ?

А „Комсомолецъ“ вполне доволенъ, пишетъ самодовольствомъ и выдаетъ даже въ „проническій“ тонъ. На наме замѣчаніе, что синодъ упустилъ случай помолчать и не вмѣшиваясь, газета отвѣчаетъ:

Да что вы подѣлаете съ нашей іерархией, она вѣчно пропускаетъ «удобные случаи».

Да какъ же имъ не радоваться и не пронизировать, если въ „Моск. Вѣд.“

уже безъ всякой ироніи, пресерьезно увѣряютъ, что празднованіе толстовскаго юбилея

показываетъ вполне наглядно, съ кѣмъ и за кого народные и общественныя массы. Толстой и всѣ иже съ нимъ представляютъ въ концѣ концовъ ничтожное меньшинство.

Большинство, конечно, на сторонѣ „Московск. Вѣд.“.

Къ юбилею Л. Н. Толстого.

ПРИВѢТСТВІЯ

Рабочіе Балтійскаго завода послали 28 августа слѣдующую телеграмму Толстому:

Левъ Николаевичъ!

Въ день восьмидесятой годовщины вашей прекрасной жизни, когда передъ величѣмъ гениальнаго образа вашего благоговѣнно склоняется миръ и ваше имя у всѣхъ на устахъ, только страна, на долю которой выпала великая гордость быть вашей родиной, — не смѣетъ громко поднять свой голосъ, привѣтствуя васъ.

Но пусть темные слуги насилия, гонители свободы и истинны прозвѣтъ намъ всѣми карами земли и неба, въ этотъ день мы не хотимъ и не можемъ молчать.

Изъ душныхъ мастерскихъ завода мы, люди тяжелаго труда и тяжелой доли шлемъ вамъ привѣтъ.

Что въ лицѣ нашего національнаго гения, великаго художника слова и неутомимаго искателя истины, мы, русскіе рабочіе гордимся вами, какъ национальнымъ сокровищемъ, и лишь хотѣли бы, чтобы и могучему созидателю новой Россіи — рабочему классу — природа дала своего Лѣва Толстого.

Подпись: рабочіе Балтійскаго судостроительнаго завода морского вѣдомства.

Подъ телеграммой собрано около тысячи подписей.

Рабочіе машиностроительнаго завода Леснера (старый заводъ) отправили въ Ясную Поляну 28 августа слѣдующую коллективную дѣшеу:

«Левъ Николаевичъ! Мы считаемъ своимъ долгомъ присоединить свой голосъ ко всѣмъ привѣтствующимъ Васъ сегодня. Прямите это наше рабочее сердечное привѣтствіе, какъ легку евангельской идолицы. Въ мысляхъ рабочіе нашего завода переносятся въ этотъ день сердцемъ и мыслями къ Вамъ и желаютъ одного, чтобы крики ненависти и злобы не проникли черезъ толстую броню любви уважающихъ Васъ въ Россіи и во всемъ мирѣ».

Въ зданіи завода рабочіе помѣстили портретъ юбиляра, украсивъ его живыми цвѣтами и надписью «Слава великому писателю».

29 августа состоялось засѣданіе правленія с.-петербургскаго педагогическаго общества, на которомъ правленіе постановило: 1) устроить въ ближайшемъ будущемъ общедоступный литературный музыкально-вокальный вечеръ, на которомъ, между прочимъ, будутъ прочитаны прѣдседателемъ общества А. И. Дювонскимъ, А. Н. Острогорскимъ и Н. В. Чеховымъ рефераты о Толстомъ на слѣдующія темы: «Толстой въ народной школѣ», «Дѣти въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого» и «Мысли Толстого о воспитаніи и современныхъ педагогическихъ ученіяхъ», и, во-вторыхъ, послать Л. Н. Толстому привѣтственную телеграмму.

Отъ имени всероссійскаго учительскаго союза послана была 28 августа Л. Н. привѣтственная телеграмма.

Въ засѣданіи педагогическаго комитета с.-петербургскаго коммерческаго училища 1-го товарищества преподавателей 28 августа постановлено:

1) учредить при училищѣ двѣ стипендіи имени Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева; 2) повѣсить въ училищной залѣ портреты обоихъ писателей; 3) устроить въ училищѣ въ ближайшее время два литературныхъ вечера: толстовскій и тургеневскій, и 4) привѣтствовать Л. Н. Толстого телеграммой.

Изъ Саратова, по словамъ мѣстной «Вѣстника», послана однимъ священникомъ Л. Н. Толстому телеграмма слѣд. содержанія.

«Привѣтъ тебѣ, великій писатель земли русской, дорогой графъ Левъ Николаевичъ! Отъ смиреннаго богомолца твоего, священника въ знаменательный восьмидесятилѣтній юбилейный годъ твой. Да будетъ миръ въ душѣ своей, впадшей въ разладъ съ презрѣнными своимъ мирозрѣніемъ. Да дастъ тебѣ Всевышній память крѣпку въ день сего о словесахъ древнихъ: «не отвержи мене отъ лица Твоего въ день старости моея, егда осудятъ крѣпость моя... И да проститъ тебѣ Господь грѣхи волиные и неволиные, хранивъ тебя Господь дорогой графъ, и милуетъ въ дни старости твоея. Смиренный богомолецъ твой, священникъ (такой-то)».

Въ воскресенье, 25 августа, въ Саратовѣ былъ выпущенъ № 93 «Братскаго Листка» (официальный органъ еп. Гермогена), въ которомъ помѣщено «архипастырское обращеніе» къ духовенству и православному народу, подписанное: смиренный саратовскій и паричинскій. Въ статьѣ этой, посвященной Толстому, великій писатель называется «растлительскъ», «разбойничекъ», «отравительнымъ развратникомъ», «лудомъ» и пр. эпитетами. Обращеніе заканчивается словами: «анаема тебѣ, подлый разбѣсившійся прелестникъ! Анаема тебѣ, развратитель и убійца нашего дорогого и нѣжно любимаго юношества!» «Проклятіе тебѣ!» и т. д. Въ томъ же № «Вр. Л.» помѣщена извѣстная молитва о Кропидатскаго о скорѣйшей смерти Толстого и «друга евреевъ Витте», благодарность губернатору графу Татищеву за отказъ постановленію думъ о чествованіи Толстого и пр.

Этотъ номеръ «Листка», напечатанный въ нѣсколько тысячъ экземпляровъ, разошелся во всѣ уѣзды благочинническіе округа, причемъ предписывается благочиннымъ непрестанно совершать утреннія и вечернія богослуженія

въ день юбилея Л. Н. Толстого, 28 августа, а затѣмъ 29, 30 и 31 августа, на богослуженіи, вмѣсто прощанія, читать № 93 «Братскаго Листка», гдѣ графъ Толстой предается анафематствованію.

28 августа на дачѣ И. Е. Рѣпина въ Куоккала собрались знакомые и почитатели Л. Н. Толстого, которые отпраздновали въ тѣсномъ кругу юбилей. Присутствовали, между прочимъ, П. Я. Гиндбургъ, кн. Паоло Трубенкой, пр.-доц. Калъ и другіе. Комната въ которой собрались гости, была украшена бюстами и портретами Л. Н. Было выставлено все то, что имѣется у И. Е. Рѣпина о Толстомъ. За обѣдомъ читались отрывки изъ разныхъ произведеній Л. Н. Читали И. Е. Рѣпинъ и И. Я. Гиндбургъ.

Вечеромъ въ саду была устроена иллюминація. Къ этому времени на дачу прибыли ученики мѣстной финской школы во главѣ съ учителемъ. И. Е. Рѣпинъ объясняетъ дѣтямъ значеніе юбилея. Послѣ этого дѣтямъ были розданы портреты Толстого.

Всѣ участники скромнаго торжества въ заключеніе отправили Л. Н. привѣтственное письмо.

Привѣтственныя телеграммы изъ Повгорода Л. Н. Толстому посланы: городской управою, съѣздами народныхъ библиотекъ имени Некрасова и Некитина, народнымъ клубомъ и группою почитателей Л. Н.

Общество врачей новгородской губернии въ зазданіи 20 августа постановило ассигновать 25 руб. и открыть между членами подписку на образование фонда для открытія въ Новгородѣ народной школы имени Л. Н. Толстого. Въ томъ же зазданіи собрано для этой цѣли 50 р.

Кромѣ перечисленныхъ, у насъ телеграммы и привѣтствій, отправлены еще привѣтствія: отъ служащихъ правленія общества рязанско-уральской ж. д., отъ служащихъ материальной службы сѣверо-западныхъ ж. д. (за подписью 50 лицъ), отъ группы кореловъ, проживающихъ въ Петербургѣ и отъ еврейскихъ ремесленниковъ въ Петербургѣ.

КІЕВЪ, 29 августа.

Вчера въ собраніе общества распространія образованія въ народѣ, посвященное Л. Н. Толстому, явился большой парадъ полиціи. Докладъ предсѣдателя общества профессора Перетца о Л. Н. Толстомъ, какъ художникѣ, исполнѣ академическій по содержанию прерывался два раза помощникомъ полицеймейстера и не могъ быть законченъ. Другой докладъ, проф. Иванова, о Л. Н. Толстомъ, какъ педагогѣ, въ самомъ началѣ былъ прерванъ помощникомъ пристава, закрывшимъ при этомъ зазданіе.

Губернаторъ Чихачевъ предложилъ вѣсімъ лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, воздержаться отъ подписанія адреса отъ киевлянъ Л. Н. Толстому, угрожая въ противномъ случаѣ серьезными послѣдствіями. Преподавателю Александровскому воспрещено учебнымъ начальствомъ прочитатъ рефератъ на юбилейномъ спектаклѣ подъ угрозой увольненія.

Въ Переяславѣ, по распоряженію полиціи, конфисковано иллюстрированное приложіе къ «Кіевскимъ Вѣстямъ», посвященное Л. Н. Толстому.

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, 29 августа.

Л. Н. Толстому посланы телеграммы редакціями трехъ мѣстныхъ газетъ, коммерческихъ и приказничьихъ клубами.

ТУЛА, 29 августа.

Предположенный къ прочтенію въ обществѣ образованія докладъ учителя гимназіи Токарскаго «Толстой какъ педагогъ», неожиданно снѣтъ авторомъ и вѣсто него другимъ лицомъ прочитанъ рефератъ: «Тургеневъ и Толстой въ ихъ произведеніяхъ». Это все, въ чемъ выразилось чествованіе обоихъ писателей въ Тулѣ.

БАТУМЪ, 29 августа.

Правленіемъ батумскаго общества народныхъ университетовъ отправлена слѣдующая телеграмма «Русскимъ Вѣдомостямъ» по поводу восьмидесятилѣтія Л. Н. Толстого:

«Привѣтствуемъ великаго писателя земли русской въ сегодняшний столь знаменательный для русскаго просвѣщенія день».

Телеграфныя привѣтствія посланы и отъ разныхъ общественныхъ группъ и учреждений.

КЕРЧЬ, 29 августа.

Со вчерашняго дня здѣсь распространяются въ большомъ количествѣ листки и брошюры таврическаго епархіальнаго вѣдомства противъ Л. Н. Толстого. Листки посвящены полемикѣ съ симферопольской газетой «Южные Вѣдомости».

Вчерашнее зазданіе городской думы было посвящено вопросу о чествованіи Л. Н. Толстого.

СРЕДИ ГАЗЕТЪ.

Толстовские дни.

Мы получили сегодня московскія газеты, большинство которых посвятило очередные номера юбилею Л. Н. Толстого. Полноты и содержательностью особенно выделяются «Русскія Вѣдомости». Среди статей этой газеты выделяется очеркъ В. Г. Короленки. Писатель говорит:

Правда, мы не можем послѣдовать за Толстымъ въ страну его мечты. Но сладость этой мечты мы чувствуемъ и глубоко цѣнимъ искренность его неустанныхъ исканій правды. И, кромѣ того, мы понимаемъ, что если мыслитель порой закрываетъ глаза на то, что между людьми, кромѣ христіанства, и нашей современностью залегли бездорожья и туманы двадцати столѣтій, въ теченіе которыхъ родились новыя, сложныя и непредвидѣныя условія, то все же отголоски великихъ истинъ, прозвучавшихъ тогда для человѣчества, отдаются порой въ голоса художника-мыслителя съ такой силой, которая какъ бы разгоняетъ туманы вѣковъ. На ихъ обаяніе отказываются простыя сердца, а среди фарисеевъ великаго ученія и среди торгующихъ въ храмѣ они порождаютъ смѣненіе и тревогу...

Теперь среди все возрастающаго смѣненія, подъ мрачными тучами, завѣсившими нашъ горизонтъ, великій художникъ и смѣлый писатель правды стоитъ на великомъ зваціи своей жизни, а вокругъ него, проповѣдующаго кротость и непритвореніе, кипятъ и волнуются страсти, начиная отъ восхищенія и восторга и кончая темной ненавистью и враждой...

Пройдутъ еще годы, десятилѣтія, вѣка... Страсти нашей исторической минуты смолкнутъ. Быть можетъ, заперется храмъ и великая тропинка, расквашенная мѣромъ на счастливыхъ и обезпеченныхъ отъ рожденія; чловѣческое счастье и чловѣческое

горе найдутъ другія болѣе достойныя чловѣка формы, а неустанныя стремленія вѣчно ищущаго ума направятся въ своемъ полетѣ къ новымъ цѣлямъ, теперь недоступнымъ нашему воображенію. Но даже и съ этого отдаленія, на рубежѣ двухъ давно истекшихъ столѣтій еще будетъ видна величавая фигура, въ которой, какъ въ символѣ, вылитыя и самыя тяжкія разладъ, и лучшія стремленія нашего темнаго времени. Это будетъ символическій образъ гениальнаго художника, хранимаго за мужицкимъ плутомъ, и русскаго графа, надѣваго мужицкую сорочку...

Генрихъ Сенкевичъ пишетъ:

Толстой, это—самый высокій стволъ въ лѣсу русскаго творчества и притомъ такой, который могъ вырасти только на русской почвѣ. На немъ лежатъ цѣлыя вѣка нашей исторической и общественной жизни. Вся душа нашего народа, славянская несчащеннымъ бременемъ неволи и неволи, а вмѣстѣ съ тѣмъ мистическая, недовольная внѣшней, но занятая внутренней и неземной жизнью, ищущая облегченія въ религиозныхъ сектахъ, заговорила изъ устъ его голосомъ, который услышать все міръ. Вездѣ литература является какъ бы цѣнникомъ жизни—у насъ же прежде всего стеною ея. И въ стѣнѣ Толстого, въ особенности за послѣднее время его творчества, звучитъ кромѣ того какъ бы резинія. Въ немъ та особенность, какой нѣтъ у другого писателя: голостъ одновременно является и протестомъ, мощью котораго колеблются наши свѣтскія и духовныя государственныя основы, и одновременно какъ бы покорностью предъ необходимостью зла... Онъ какъ бы говоритъ: «Все, что есть, есть,—кромѣ этики Христа,—зловѣщее, проклятое и ниточно: догматы, это—фальшь, а общественно-политическое здание, въ которомъ вы живете, это—насиліе надъ простотою чловѣческой природы. Но все это—только внѣшнее, проходящее зло, съ которымъ не слѣдуетъ бороться, такъ какъ помню этого вообща чловѣка, а въ особенности русскій, можетъ пахать землю, чинить старыя зашты, любить ближнихъ и читать евангеліе, дружными словами говоря,—жить такъ, какъ единственно жить стоить». Вотъ какимъ образомъ въ Толстомъ сплетается идея переводчика, котораго плутомъ физическаго напастія отъ самъ не хочется, съ евангеліей и идилліей, которой плетъ и которую стремится создать на землѣ. Это, съ извѣстной точки зрѣнія, вапъ Руссо, съ примѣсью славянскаго мистинизма, сложнаго вѣрить, что истинная дѣятельность начинается только по ту сторону жизни. Съ общей точки зрѣнія, это—типъ болѣе чистый и болѣе благородный, нежели Руссо.

Между ними кромѣ того еще та разниа, что Руссо—космополитъ, Толстой же только хотеть имъ быть. Первый объединяетъ, доведъ до сознанія и высказалъ идеи, атомъ которыхъ кружились уже какъ реакціи противъ условной пусоты жизни не только въ умѣхъ философовъ, но и среди образованныхъ людей всей Европы—въ другомъ говорить народныя дупа и притомъ именно русская. Вотъ почему Толстой и является однимъ изъ наиболѣе национальныхъ вапшихъ писателей.

Его славяно-русскій характеръ проявляется также и въ томъ, что, имѣя возможность быть великимъ художникомъ, онъ предпочитаетъ быть апостоломъ. Я не хочу этимъ сказать, что онъ убилъ въ себѣ художественность, но онъ старался познать ее въ себѣ и отодвинуть эту сторону своего творчества на задній планъ, не видя, что наряду съ даромъ исключительного глубокаго психологическаго наблюденія есть именно сила отбала его славыми на весь міръ.

Въ поученіе нашей церковной печати, столь недостойно ведущей себя по отношенію къ Толстому, приводимъ изъ лондонской корреспонденціи Г. Діонеа данныя объ англійской церковной прессѣ.

Вотъ, напримѣръ, послѣдній номеръ The Christian Commonwealth. Въ немъ нѣсколько статей, въ которыхъ обфивается значеніе Толстого какъ философа и религиознаго борца. «Прямо неспостимъ,—говоритъ церковная газета,—какую массу вопросовъ затронулъ Л. Н. Толстой въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ своей литературной дѣятельности. Нѣтъ другого писателя, который такъ будилъ бы мысль и который такъ прямо подходилъ бы къ самымъ жгучимъ вопросамъ, какъ Толстой. Онъ подвергъ рѣзкой критикѣ взгляды своихъ современниковъ на войну и на собственность. Быть можетъ, нѣкоторые выходы великаго писателя ошибочны; быть можетъ, непритвореніе алу не являются папачей, какъ предполагаетъ Толстой; но все теперь прониклись сознаніемъ, что бесмысленно и преступно тратить значительную часть народныхъ богатствъ на приготвленія къ войнѣ и что безумно отрывать отъ производительной работы цѣлыя населенія и обучать ихъ употребленію себя подобнымъ. Затѣмъ проникла въ сознаніе многихъ другая мысль Толстого, а именно, что неработавшіе классы, владѣющіе громадной частью національныхъ богатствъ, не могутъ выставить ни одного нравственнаго мотива своихъ привилегій. Одно подписываніе чековъ и трата денегъ не даютъ еще права чловѣку эксплуатировать своего ближняго. Церковная газета считаетъ Толстого не только гениальнымъ художникомъ и великимъ мыслителемъ, но еще идеальнымъ христіаниномъ.

Другая церковная газета видитъ въ Толстомъ пророка нашего времени. Статьи Толстого, помѣщеніе которыхъ такъ дорого обошлись русскимъ газетамъ, въ Англіи не только перепечатываются цѣлкомъ церковными газетами (диссентерскихъ церковей), но дѣлаются темой воскресныхъ проповѣдей. Англійскіе авторы, пишущіе та-

перь о Толстомъ, дѣлають одну ошибку. Они полагають, что великій писатель изменилъ радикально свой взглядъ на войну послѣ 1882 г. Эту ошибку дѣлають и тѣ обличители въ скупыхъ и клубкахъ, которые признають художественный талантъ Толстого. Но развѣ въ русской Илладѣ мы не находимъ тѣ же мысли о войнѣ, которые высказаны Л. Н. въ самыхъ послѣднихъ произведеніяхъ? Толстой не мѣнялъ своего взгляда на войну.

Возвращусь, однако, къ церковнымъ журналамъ. Одинъ изъ нихъ отмѣчаетъ любопытную черту въ творчествѣ Льва Николаевича. Замѣчательный соотечественникъ Толстого, — говоритъ церковный журналъ, — Достоевскій утверждаетъ, что въ глубинѣ души каждаго человѣка лежатъ звѣрь, сладострастный и жестокій. Толстой же говорить о «порядкахъ и складѣ обстоятельствъ», заставляющихъ человѣка совершать жестокости, противныя его натурѣ. Журналъ приводитъ то мѣсто изъ романа Толстого, когда Пьера судятъ. «Даву поднять глаза и пристально посмотреть на Пьера. Нѣсколько секундъ они смотрѣли другъ на друга, и этотъ взглядъ спасъ Пьера. Въ этомъ взглядѣ, помимо всѣхъ условий войны и суда, между этими двумя людьми установились человѣческія отношенія. Оба они въ эту одну минуту смутно почувствовали безчисленное количество вещей и поняли, что они оба — дѣти человѣчества, что они — братья».

Журналъ заканчиваетъ такъ: «Впослѣдствіи Толстой развили въ рядѣ статей свой основной взглядъ, что Богъ его — любовь. Доктрина эта проповѣдуется всѣми церквами, но ни одинъ проповѣдникъ не пошелъ такъ далеко въ своихъ логическихъ выводахъ, какъ Толстой». Итакъ, англійскіе священники всѣхъ диссентерскихъ церквей видятъ великаго христіанскаго учителя и проповѣдника высокой морали въ томъ, кого на родинѣ обзываютъ «развратителемъ» и «служителемъ дьявола».

Собр. соч. 30-48. 1908

МѢСТНАЯ ЖИЗНЬ.

Въ день 28 августа

Печать, конечно, болѣе, чѣмъ кто-либо, должна была откликнуться на юбилей Толстого. Въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Но „условія“, при которыхъ печать, въ особенности провинціальная, могла откликнуться на этотъ большіи день, были таковы, что откликъ печати представлялъ теперь нѣсколько особый интересъ.

Сегодня мы получили газеты отъ 28 августа только изъ мѣстностей, близкихъ къ Петербургу, по преимуществу изъ западныхъ губерній и нѣкоторыхъ центральныхъ. Начнемъ нашъ краткій обзоръ съ „Финляндской Газеты“. Она откликнулась, какъ и подобаетъ оффициозу, маленькой замѣткой „Л. Н. Толстой“. По все-таки сказала, что даже и осуждающіе позднѣйшія воззрѣнія Толстого въ области вопросовъ религіозныхъ, общественныхъ и государственныхъ могутъ сегодня порадоваться, что на долю Льва Николаевича выпала рѣдкій для русскаго писателя удѣлъ долгодѣія, необыкновенной для восьмидесятилѣтняго старца духовной свѣжести, отзывчивости и трудоспособности.

„Варшавскій Дневникъ“ написалъ довольно корректную статью „Л. Н. Толстой-художникъ“, предоставивъ „судъ надъ Толстымъ не намъ—его современникамъ, а исторіи“.

„Витебскія Губернскія Вѣдом.“ отнеслись къ Толстому съ глубокимъ почтеніемъ и отказались „въ настоящую минуту останавливаться“ на „пагубномъ и разрушительномъ вліяніи“ послѣднихъ произведеній Толстого.

Печать полуоффиціальная или просто черносотенная отзывалась по своему и, надо сказать, хуже, чѣмъ оффиціальная. „Рязанскій Вѣстникъ“, вступивъ въ полемику съ Толстымъ, напалъ на „лѣвую, т. е. конституціонную, или демократическую печать“ и закончилъ свою передовицу надеждой, что Толстой „къ концу жизни все свои произведенія послѣднихъ лѣтъ назоветъ заблужденіями“.

„Виленскій Вѣстникъ“ далъ восторженную передовицу о юбилей, съ горячимъ обращеніемъ, между прочимъ, къ противникамъ Толстого. „Вы—противники Толстого (я обращаюсь къ самымъ непримиримымъ), скажите по совѣсти, не билось ли учащено ваше сердце, когда вы, не сажу, читали, а пожирали, забывъ о снѣ и нищѣ, художественныя страницы „Вой-

на и мира“... Едва ли, однако, „противники“ такъ читали даже и „Войну и миръ“... Кромѣ передовой, „Вил. Вѣстн.“ помѣстилъ еще нѣсколько другихъ статей о Толстомъ.

„Прибалтійскій Край“ далъ приветственную статью и рядъ замѣтокъ о Толстомъ. Тепло, хотя и въ очень маленькой замѣткѣ, откликнулся на юбилей „Вѣстникъ Ливавы“.

Но вотъ опредѣленно черносотенное „Минское Слово“ не обмолвилось о днѣ юбилей и о самомъ Толстомъ ни однимъ словомъ. Причинѣ, впрочемъ, ничего не говорить, чѣмъ злоухать противъ Толстого въ этотъ торжественный для Россіи день.

Совершенно промолчалъ и „Могилевскій Вѣстникъ“—газета не черносотенная. Почему—сказать не беремся.

Зато вполне ясно, почему промолчалъ „Старый Владимірецъ“. Настоящій моментъ, говоритъ газета, является далеко неблагоприятнымъ для того, чтобы дать полную оцѣнку дѣятельности Толстого. Ограничиваемся поэтому пожеланіемъ магистру старцу долгодѣія и продолженія литературной дѣятельности, признанной всѣмъ цивилизованнымъ міромъ“.

Такия газеты, какъ „Сѣверо-Зап. Голось“, „Сѣв.- Зап. Телеграфъ“, „Смоленскій Вѣстникъ“, „Орловскій Вѣстникъ“, „Минское Эхо“, „Рязанскій Вѣстникъ“ и даже маленький „Рязанскій Вѣстникъ“ дали портреты Толстого и хорошия статьи и замѣтки о немъ. „Орл. Вѣстн.“ въ передовой говоритъ о морали въ жизни личности и общества и между прочимъ въ концѣ статьи пишетъ: „Нечего говорить о томъ, что въ періодъ озвѣрѣнія личность, сохранявшая нравственную высоту, какъ Толстой, должна чувствовать это озвѣрѣніе съ особенной болѣзненностью. Естествененъ и тотъ крикъ изъ глубины души, который вызываютъ все эти проливанія крови безъ закона и по закону“.

Вас. Г.

Слѣд. 30-го Авг. 1908

ТЕЛЕГРАММЫ газеты „СЛОВО“

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

КІЕВЪ, 29 августа. Губернаторъ предложилъ всѣмъ лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, поддерживать отъ подписанія адреса—отъ киевлянъ Л. Н. Толстому.

Въ Перяславѣ, по рапорту мѣстной полиціи, конфисковано иллюстрированное приложеніе къ „Кіевскому Вѣстнику“, посвященное Л. Н. Толстому.

Слѣд. 30-го Авг. 1908

Л. Н. Толстой. (Биографическая канва).

1828 г. 28 августа родился въ Ясной Полянѣ (Тульской губернии, Крапивненскаго у.) Левъ Николаевичъ Толстой. Отецъ Л. Н., графъ Николай Ильичъ Толстой, отставной полковникъ павлоградскаго гусарскаго полка мать, Марія Николаевна, урожденная княжна Волконская. Дѣтскіе годы Л. Н. проведены въ Ясной Полянѣ—родовымъ имѣніи князей Волконскихъ, подъ любящимъ надзоромъ дальней родственницы „тетенки“ Татьяны Александровны Ергольской.

1830 г. Смерть матери.

1836 г. Перевѣздъ въ Москву.—Начало учения.—Федоръ Ивановичъ Рессель (Карлъ Ивановичъ въ „Дѣтствѣ“) —первый воспитатель.

1837 г. Смерть отца.

1841 г. Перевѣздъ братьевъ Толстыхъ въ Казань.

1841—43 гг. Казань.—Приготовление къ университету.

1844 г. Неудачный экзаменъ и „дополнительные испытаніе“ по статистикѣ и географіи. Студентъ казанскаго университета по факультету восточныхъ языковъ.

1845 г. Свѣтская жизнь.—Единицы по исторіи и нѣмецкому языку.—Переходъ на юридическій факультетъ.

1846 г. Карьеръ „за непосѣщеніе лекцій по исторіи“.—Жить „какъ всѣ живутъ“. Самостоятельная работа.

1847. Увольненіе изъ числа студентовъ согласно прошенію „по разстроенному здоровью и домашнимъ обстоятельствамъ“.—Ясная Поляна.—Мечты о „благѣ крестьянъ“ и приготовленіе къ кандидатскому экзамену.

1848 г. Москва.—Петербург.—Незаконченный экзаменъ на кандидата правъ въ спб. университетѣ.—Увлеченіе музыкой и планы о военной службѣ для „пріученія себя къ практической жизни“.

1849 г. Жизнь въ деревнѣ.—Попытки сближенія съ народомъ. Школьные занятія.—Неудачи.

1850 г. Москва.—Карты.—Первые порывы творчества.—Замыслы о повѣсти изъ цыганскаго быта.

1851 г. Братья Николай Николаевичъ и отъѣздъ на Кавказъ.—Путешествіе на ло-

дѣ внизъ по Волгѣ.—Станица Старогладовская, Горячеводскъ, аулъ Старый-Юртъ (см. „Казакъ“, „Набѣгъ“ и „Рубка лѣса“). Тифлисъ.—Исканіе мѣста.—Карты и пропыли.—Работа надъ „Дѣтствомъ“ (первоначальное названіе „Изъ исторіи моего дѣтства“).

1852 г. Пятигорскъ.—Окончаніе „Дѣтства“.—Фейерверкеръ 4-й батареи 20-й бригады.—Письмо Некрасова о пріемѣ рукописи повѣсти въ „Современникъ“. 6-го сентября „Дѣтство“ появляется въ IX книжкѣ журнала за подписью Л. Н. Т.—Первое столкновеніе съ цензурой.

1853 г. Походъ противъ Шамилъ.—Опасность плѣна и смерти.—Окончаніе „Набѣга“, „Отрочество“, „Записки маркера“.

1854 г. Производство въ офицеры.—Назначеніе въ дунайскую армію. Бухарестъ.—Переводъ въ крымскую армію.—Севастополь.—Сраженіе при Черной рѣчкѣ.—„Рубка лѣса“.—„Юность“.—Первые „Севастопольскіе рассказы“.—Первая критическая статья о Толстомъ („Отеч. Записки“, № 11).

1855 г. 4-й бастіонъ.—„Рубка лѣса“ съ посвященіемъ Тургеневу печатается въ „Современникъ“. Появленіе тамъ же „Севастопольскихъ рассказовъ“. Начало громкой извѣстности.—Севастопольскія испѣны.—Пріѣздъ „курьеромъ“ въ Петербургъ.—Кружокъ литераторовъ „Современника“ принимаетъ Л. Н. „какъ своего“.—Дружба и размолвка съ Тургеневымъ.

1856 г. Смерть брата Дмитрія.—„Мятежъ“ и „Два гусара“ („Соврем.“), „Встрѣча въ отрядѣ“ („Вѣст. для Чтенія“), „Утро помѣщика“ („Отеч. Записки“).—Выходъ въ отставку.—Москва.—Семейство д-ра Берса.—Петербургъ.—Неудачный романъ.

1857 г. Отъѣздъ за границу.—Парижъ.—Кларанъ.—Монте.—Путешествіе по Швейцаріи.—Лютернъ.—Записки князя Нехлюдова.—„Альбертъ“.—Ясная Поляна.—Дворянскій сѣздъ въ Тулѣ.—„Мѣніе 105 дворянъ“ о необходимости отпустить крестьянъ на волю не иначе, какъ съ надѣломъ земли.—Посѣщеніе Тургенева въ Спасскомъ.

1859 г. Избраніе членомъ общества любителей россійской словесности.—Душевная тревога: ясно-полянская школа.

1860 г. Второе заграничное путешествіе.—Германія и Франція.—Три смерти.—Знакомство со школьнымъ дѣломъ.—Смерть брата Николая.—Англія.—Свиданіе съ Герценомъ.—Осмотръ школы для рабочаго народа.

1861 г. Лондонъ.—Назначеніе на должность мирового посредника.—На родинѣ.—„Отцы и дѣти“.—Ссора съ Тургеневымъ у Фета. Вызовъ на дуэль Тургенева.—Ожесточеніе помѣщиковъ „за пристрастіе“ къ крестьянамъ. Доносъ.—Увольненіе отъ службы.—Ясно-полянская школа.—Толстой —народный учитель.

1862 г. Журналъ „Ясная Поляна“. *) Педагогическія статьи.—На кумысъ у самарскихъ башкиръ.—Обыскъ Я. Поляны (въ отсутствіи Л. Н.).—Два мѣсяца о журналѣ „Ясн. Пол.“ (по отзыву мин. вн. дѣлъ журналъ является распространителемъ тѣхъ идей, которыя, независимо отъ ихъ неправильности (?), по самому направленію своему оказываются вредными“; по отзыву мин. нар. пр., дѣятельность Т. „по педагогической части заслуживаютъ полнаго уваженія“).—Прогнать тысячи рублей Каткову и уплата повѣстью „Казакъ“.—Английскій переводъ „Дѣтства“.—Семья д-ра Берса.—Предложеніе. Женихъ Л. Н. на Софіи Андреевнѣ Берсъ (23 сентября).—1863 г. Новая жизнь. Семейное счастье.—Работа надъ „Декабристами“. „Полюшпика“.

1864 г. Начало работы надъ „Войной и миромъ“.—Выходъ перваго тома перваго изданія „Собранія сочиненій“.—Изданіе и собственность Ѳ. Стелловскаго*.

1865 г. Отрывокъ изъ „Войны и мира“

*) Всего вышло двѣнадцать выпусковъ. Библиографическая рѣдкость, даже въ библиот. акад. наугдъ нѣтъ полнаго экземпляра. Печатаются въ Москвѣ. При №25 выходили приложенія, озаглавленныя: „Книжки“.

(„1805 год“) печатается въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.—Выходъ второго тома первого изданія „Собранія сочиненій“.

1866 г. Приѣздъ въ Москву.—Осмотръ Бородинскаго поля.

1868 г. Выходъ первого тома (части 1—3) „Войны и мира“.

1869 г. Окончаніе романа.

1870 г. Возвращеніе къ педагогической дѣятельности. „Азбука“.—Второе изданіе сочиненій.—Чтеніе классиковъ.

1871 г. Болѣзнь.—Побѣдка на кумысѣ.

1872 г. Самара.—Письмо о голодѣ въ „Моск. Вѣдом.“ „Помощь голодающимъ“.—„Кавказскій плѣнникъ“.—„Богъ правду видѣть да не скоро скажетъ“.—Изученіе петровской эпохи для новаго романа.

1873 г. Начало работы надъ „Анной Карениной“.

1874 г. Смерть Т. А. Ергольской въ Ясной Полянѣ.—Статья о народномъ образованіи въ „Отеч. Зап.“.

1875 г. Начало перевода въ взглядѣхъ.

1876 г. Окончаніе „Анны Карениной“ и появленіе первыхъ частей романа въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

1877 г. Катковъ отказывается печатать послѣднюю часть Карениной безъ передѣлки и 8-я часть романа выходитъ прежде первыхъ отдѣльных изданій (Москва).—Побѣдка въ Петербургѣ.—Плавъ и новые (послѣдніе) наброски романа „Декабристы“.

1878 г. Побѣдка въ Петербургѣ.—Осмотръ казематовъ Петропавловской крѣпости.—Перемѣна во всей жизни.—„Первыя воспоминанія“.

1879 г. Начата „Исповѣдь“.

1880 г. Четвертое изданіе собранія сочиненій въ 11 частяхъ. М., изданіе Салаева.

1881 г. „Соединеніе Евангелія“.—„Чѣмъ люди живы?“ Письмо къ Императору Александру III.

1882 г. „Въ чемъ счастье?“ „О переплсѣ въ Москвѣ“. „О непротивленіи злу зломъ“. „Первыи и государство“. Окончена „Исповѣдь“.

1883 г. Краткое изложеніе Евангелія.—Первыя произведенія Л. Н., запрещенныя въ Россіи, выходятъ на русскомъ языкѣ за границей.

1884 г. „Въ чемъ моя вѣра“.

1885. Разсказы для народа: „Упустишь—огонь не потушишь“, „Свѣчка“, „Два старика“, „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“.—Народныя легенды: „Какъ чертенокъ крапоушку хлѣба выкупалъ“. „Много ли человѣку земли нужно?“ „Зерно съ куриного яйца“ и др. Тексты къ лубочнымъ картинкамъ.

1886 г. „Смерть Ивана Ильича“.—„Власть тьмы“.—„Такъ что же намъ дѣлать?“—„Ученіе 12-ти апостоловъ“. „О хлѣбномъ трудѣ“. „О ручномъ трудѣ“.—Начало издательской дѣятельности „Посредника“.

1887 г. Рефератъ, читанный въ психол. обществѣ. „Ходите въ свѣтъ, пока есть свѣтъ“. „Три сына“.

1889 г. „Крейцеровъ Соната“.—„Плоды просвѣщенія“. „Къ людямъ-братьямъ“. „О любви къ Богу и ближнимъ“. „Противъ войны“.

1890 г. „Для чего люди одурачиваются?“—Послѣдствіе къ „Крейцеровой Сонатѣ“.

1891 г. Статьи по поводу голода.—Призывъ къ помощи. Въ голодныхъ мѣстахъ.—Первое представленіе „Плодовъ просвѣщенія“ въ Петербургѣ (26 сентября) и въ Москвѣ 12 декабря.

1892 г. „Помощь голодающимъ“.

1893 г. „Недѣланіе“. „Къ вопросу о свободѣ воли“.

1894 г. „Религія и нравственность“. Переводы: „Суратская кофейная“, „Карма“, „Франсуаза“. Заграничное изданіе „Соединенія Евангелія“ (Черткова).—Запрещеніе печатать и перепечатывать какия бы то ни было свѣдѣнія о Л. Н., его сочиненіяхъ и частной жизни“.

1895 г. „Хозяинъ и работникъ“.—„Объ искусствѣ“.—„Стыдно“.—„Три притчи“. Богу и мамонѣ.—Постановка „Власти тьмы“ на сценѣ моск. Малаго театра въ присутствіи автора.

1896 г. „Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность?“—Письмо къ министру

рамъ вн. дѣлъ и юстиціи относительно обмысловъ и привлеченія къ ответственности лицъ, имѣющихъ сочиненія Л. Н. и дающихъ ихъ, читать тѣмъ, которые ихъ просятъ“.—„Письмо къ либераламъ“.

1897 г. „Христіанское ученіе“.—„Что такое искусство?“ „Требованія любви“.

1898 г. „Современная наука“. Заграничное изданіе „Христ. ученія“.—Семидесятилѣтіе жизни Л. Н. и запрещеніе печатать статьи о Толстомъ.—Анонимныя письма съ угрозою убій Л. Н., за его вредное для православной церкви вліяніе“.

1899 г. Тяжкая болѣзнь.—„Воскресеніе“. 1900 г. Избраніе почетнымъ академикомъ Пушкинскаго разряда академіи наукъ. „Гдѣ выходъ?“ „Мысли о Богѣ“. „Неужели это такъ надо?“ „Не убій“. „О патриотизмъ“.

—1901 г. Опредѣленіе св. синода объ отлученіи Л. Н. и посланіе „дѣржимъ чадѣмъ православныя греко-россійскія церкви о графѣ Львѣ Толстомъ (20—22 февраля)“.—Протестъ графини С. А. Толстой. Отвѣтъ Л. Н.—Крымъ.—

1902 г. Крымъ.—Болѣзнь. Возвращеніе въ іюль въ Ясную. О религіозномъ отношеніи къ жизни. „Офицерская памятка“.

1903 г. „Жизнь и ученіе Христа“.—Къ политическимъ дѣятелямъ.—Письмо къ еврею.—„О самосовершенствованіи“.—О Кармѣ.

1904 г. Работа надъ „Кругомъ Чтенія“ (изд. 1906 г.)—„Одумайтесь“.

1905 г. „Великій грѣхъ“. „Конецъ вѣка“. Общественномъ движеніи.—„Единое на потребу“.

1906 г. Смерть дочери. Появленіе въ Россіи первого полнаго собранія сочиненій Л. Н., напечатанныхъ за границей.—За что? Божеское и человѣческое. Ягоды.—Молитва.—Къ правительству, революціонерамъ и народу.—Корней Васильевъ.—О Шекспирѣ.—Выходъ „Круга чтенія“ въ 3 выпускъ. (2 тома).

1908 г. „Не могу молчать!“ Переработка „Круга чтенія“ для дѣтей.—Болѣзнь.—Новое опредѣленіе св. синода.

1908 г. 28 августа восьмидесятилѣтіе великой и свѣтлой жизни Льва Николаевича Толстого.

Ник. Носковъ.

Слово 30 = 44. 1888

Финляндія

(Отъ нашего корреспондента).

Чествованіе Л. Н. Толстого.

Имя Л. Н. Толстого въ Финляндіи пользуется известностью не меньшей чѣмъ въ Западной Европѣ. Всѣ его наиболѣе выдающіяся произведенія давно уже переведены на мѣстные языки и широко разошлись среди населенія, но этого мало; среди финляндцевъ есть и болѣе посвященные сторонники протѣвды нашего гениальнаго юбиляра, стремящіеся проводить въ жизнь его нравственное учене. Къ члену такихъ учениковъ Л. Н. Толстого принадлежить известный адъер писатель Арвидъ Ирнефельдтъ.

А. Ирнефельдтъ былъ раньше судей; въ своемъ произведеніи „Пробужденіе“ онъ подробно разсказываетъ, какъ совершился въ немъ переломъ подъ вліяніемъ сочиненій Л. Н., съ которыми его познакомилъ вѣрныи его мать.

Послѣ перелома А. Ирнефельдтъ оставилъ свою должность и въ своемъ изданіи принялся за черныи трудъ пахари. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является и однимъ изъ дѣятельныхъ пропагандистовъ толстовскаго ученія у себя на родинѣ.

Въ прошломъ году послѣ нашумѣвшей исторіи съ наукоскими торгарами, окончившейся выслетіемъ послѣднихъ, А. Ирнефельдтъ предпринялъ поѣздку на мѣсто происшествія, чтобы лично познакомиться съ бытомъ торгарей въ баронскихъ имѣніяхъ, и затѣмъ опубликовать свои наблюденія въ печати. Его разоблаченія пришились многимъ не по вкусу; печать, въ особенности шведская, старалась змолчать эту книгу, но никто въ Финляндіи не подумалъ даже, что со сторонникомъ толстовскаго ученія можно расправиться такъ, какъ въ большинствѣ случаевъ это происходитъ въ Россіи.

Къ нынѣшнему юбилейному дню въ Финляндіи вышущею сразу около десятка переводовъ разныхъ произведеній Л. Н. Толстого, большинство въ повторныхъ изданіяхъ. Всѣ газеты переполнены статьями о его жизни, философскихъ взглядахъ и исканіяхъ; его значеніи для Россіи, мировой литературы и т. д.

Помимо телеграммъ, которыми почтили Л. Н. Толстого большинство обществъ, во всѣхъ крупныхъ городахъ Финляндіи были назначены толстовскіе вечера.

Такой вечеръ состоялся въ Выборгѣ 26 августа въ „Провинціальномъ“ театрѣ. Въ Гельсингфорсѣ въ „Национальномъ“ театрѣ была поставлена 28 августа „Власть тьмы“ а въ „Народномъ“ готовится литературный вечеръ, въ которомъ примутъ участіе мѣстные литераторы и будетъ поставлена передька „Воскресенія“.

Слѣдъ 30-го ст. 1908

Чествование Л. Н. Толстого.

Телеграммы наших корреспондентовъ.

ЗАБѢКА, 29 августа. Сегодня здоровье Толстого еще лучше; онъ дѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и занимался. Пригласенныя телеграммы продолжаютъ непрерывно притекать со всѣхъ концовъ міра; въ пять часовъ вечера было получено болѣе двухъ тысячъ телеграммъ, количество подписи предполагается болѣе пятидесяти тысячъ.

ТОВОЛЬСКЪ, 29 августа. Тобольскій музей плетъ привѣтъ великому писателю земли русской.

КЕРЧЬ, 29 августа. Вѣтражное застѣланіе городской думы было посвящено вопросу о чествованіи Л. Н. Толстого.

Председатель педагогическаго совѣта педагогическихъ курсовъ при снб. фребелевскомъ о-вѣ, С. И. Шохоръ-Троцкий послалъ въ Ясную Поляну слѣдующую телеграмму.

„Педагогическій совѣтъ педагогическихъ курсовъ при снб. фребелевскомъ обществѣ, конечно, не въ силахъ выразить словесно всю мѣру своего благоговѣнія предъ Вами, всемірно чтимый мыслитель, художникъ, учитель и человекъ, и ограничивается горячимъ желаніемъ Вамъ добраго здоровья и снб.“

Совѣтомъ психо-неврологическаго института отправлена слѣдующая телеграмма.

Васеовнужаемый и горячо любимый Левъ Николаевичъ. Отъ совѣта психо-неврологическаго института въ сегодняшний день 80-лѣтія вашего рожденія шлю вамъ задушевный привѣтъ и пожеланія еще долгихъ лѣтъ физическаго здоровья и особомъ, вамъ лишь свойственной, духовной мощи. „Эпизодъ имѣла Гомера, Россія дала Толстого“, говоритъ современная иностранная критика. Мыже, русскіе, чтимъ въ васъ гениальнаго художника, мало имѣющаго равныхъ по силѣ психоаналитическаго анализа; чтимъ въ васъ, кромѣ ясности и глубины художественнаго ума, еще и теплоту сердца; мы чтимъ въ васъ гуманиста, и словомъ, и дѣломъ проводящаго въ жизнь высокіе нравственные идеалы, прекрасно сформулированные вами въ публицистическихъ и философскихъ трудахъ; мы также преклоняемся предъ вашей чуждою и отчужденною къ текущей жизни, которую вы ярко осмыслаете и въ художественныхъ образахъ, и въ публицистич. сильнымъ словомъ гуманизма. Еще недавно, на-дняхъ среди теребнаго бодрости духа русскаго общества, вы смѣло возвысили свой голосъ противъ жестокой современности. Вамъ и не могу молчать.“ — Этой яркой отдушкою болѣвшей общественной совѣсти до возможности молчать семейна и намъ. Пусть ваша вѣра въ лучшее человечество, пусть ваша духовная мощь, вызывая сегодня предположеніе передъ вами всей Россіи, разсѣветъ гнетущій туманъ двѣдствительности и подниметъ духовно нашу родину, которая васъ будетъ чтить и гордиться вами, пока будетъ живъ русскій народъ и будетъ существовать могущій и снбный русскій языкъ.

Служащій Рязанско-Уральской ж. д. послалъ Л. Н. слѣдующую телеграмму.

„Дорогой Левъ Николаевичъ! Въ радостный для всей Россіи день всемирной вашей годовщины, служащій Рязанско-Уральской дороги, преклоняюсь передъ величіемъ вашего гѣія, шлю вамъ, величайшему художнику и любимому учителю, днѣт духовной своей признательности за все то, что вы сдѣлали для родины. Пусть темные члѣвкоблестивіи, пускай въ ходъ клеветы и недоброй вѣдомости, пытаются заглушить благородный голосъ, бѣе члѣтъ подвига учившій насъ истинно христіанской любви къ ближнему—это не въ ихъ силахъ! Съ вами сердца наши и всего народа.“

Обзоръ печати.

Вчерашній московскія газеты полны юбилейными толстовскими статьями. Имена авторовъ щеголяли, однако, только „Русскія Вѣдомости“; газета помѣстила статьи Короленко, Брандеса и Генр. Сенкевича. Интересны статьи Златовратскаго и д-ра Левенфельда, извѣстнаго переводника Толстого на нѣмекій языкъ. Кажется, въ русской печати впервые появляется такъ подробно изложенной исторія привлеченія Толстого, точнѣе его издателя и переводчика,—къ суду въ Германіи. Всѣ, конечно, помнятъ, что Толстой былъ оправданъ—но для исторіи оффиціальной Германіи это преданіе къ суду за напечатаніе толстовскаго „Отвѣта синоду“ довольно-таки характерно.

Впрочемъ, если оффиціальная Германія и привлекала издателя Толстого къ суду, оправдавъ его, то неоффиціальная была глубоко возмущена этимъ посягательствомъ на свободу слова. У насъ въ неоффиціальной Россіи находятся органы печати и авторы, пишущіе о юбилѣе вотъ что:

Для насъ день юбилея Толстого есть день величайшаго гонимъ, величайшаго позора и стыда за него и за всѣхъ насъ, малодушныхъ, беснѣжныхъ и безвѣрныхъ.

Хорошо только то, что строки эти принадлежатъ г. Шаранову, и напечатаны ихъ газета, именующая себя „Свѣтъ“.

Слѣбо 30-го. 1908

Письмо въ редакцію.

М. г., г. редакторъ.

Покорнѣйше прошу васъ сообщить въ вашей уважаемой газетѣ, что правленіе московскаго общества грамотности въ заведеніи 16-го августа проектировало въ ознаменованіе 80-лѣтія со дня рожденія графа Л. Н. Толстого открыть народную бібліотеку его имени, на что въ настоящее время послѣдовало полное согласіе Л. Н. съ пожеланіемъ учрежденія ея въ Ясной Полянѣ. Л. Н. выразилъ при этомъ даже готовность самому принять участіе въ составленіи каталога бібліотеки, въ которой ему хотѣлось бы видѣть преимущественно книги этическаго содержанія и по народоуѣднѣнію.

Желая дать возможность, какъ членамъ м. о. г., такъ и другимъ лицамъ почтѣ великаго художника-писателя принятіемъ участія въ этомъ дѣлѣ, я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой открыть при редакціи вашей газеты примѣтъ пожертвованій для увеличенія тѣхъ средствъ, какія будутъ ассигнованы для этой цѣли ближайшимъ общимъ собраніемъ московскаго общества грамотности.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи. Председатель правленія московскаго общества грамотности Кн. Пав. Долгоруковъ.

Слѣбо 30-го. 1908

Слѣбо 30-го. 1908

Из газет и журналов.

В Ясной Поляне.

В „Нов. Рус“ г. Горбунцов-Посадов пишет о привѣтствіях, получаемых счастливо Л. Н. Толстым.

Ботъ привѣтъ изъ Германіи, изъ глубины народа, вожли котораго, потрясая оружіемъ, провозглашаютъ одно только право въ міръ—право сильного, право лучше вооруженнаго, привѣтъ, посылаемый сердечными пожеланіями долгой, долгой еще жизни тому, „чья жизнь дорога не для Россіи, а для человѣчества“, тому, кто несетъ человѣчеству ученіе, „дающее міру миръ“.

И изъ другой страны—изъ Англіи, вожли которой возмущаются для борьбы съ германскимъ народомъ, горячія выраженія благодарности „тому, кто такъ помогъ въ слѣдованіи Христу, въ осуществленіи въ жизни Нагорной проповѣди, учащей любить враговъ, какъ своихъ ближнихъ“.

Ботъ письмо одной бывшей классной наставительницы изъ маленькаго городка Россіи, пишущей, что у нея не хватаетъ словъ для выраженія благодарности Лѣву Николаевичу, но она „хочетъ принять заботу о больномъ ребенкѣ только ради того, чтобы получить возможность участвовать добрымъ дѣломъ въ радости по поводу вашего 80-лѣтія“.

Ботъ голоса грядущаго человѣчества: трогательное письмо еврейскихъ юношей, благодарщей Лѣва Николаевича „за все, что вы сделали для насъ, молодежи“.

Ботъ трогательныя письма догорающихъ жизней,—письмо старика, бывшаго военнаго, генерала, благодарящаго Лѣва Николаевича за все сдѣланное имъ для торжества правды на землѣ, и письмо старушки:

„Не въ храмѣ полюбимъ и продажномъ, а въ сознаніи вашего, графа, великаго генія, я вижу Бога и поклоняюсь Ему, и чту Его всей душой. Скромина старушка“.

Въ этой любви, въ этой благодарности сливается адѣсь прошедшее и грядущее, сливаются люди разсѣянные по всей землѣ племенъ, націй и государствъ. Въ этомъ единеніи ихъ прообразъ того грядущаго единства человѣчества, для котораго быть можетъ, ничто въ мірѣ не сдѣлано столько, сколько сдѣлалъ Лѣвъ Толстой.

„Будь здоровъ, дорогой дѣдушка, для счастья народовъ“,—пишетъ одинъ изъ читателей рабочій. „Для меня и многихъ другихъ людей, вы уже, дорогой дѣдушка, никогда не умерете“.

Допросъ „власть имущихъ“.

Министерство нар. просв., какъ извѣстно, не признало подлежащимъ удовлетворенію ходатайство казанскаго университета о разрѣшеніи избрать

Въ честь Толстого.

27 августа, на дачѣ И. Е. Рѣпина въ Куоккалѣ собрались знакомые и почтатели Л. Н. Толстого, которые „отпраздновали въ тѣсномъ кругу юбилей. Присутствовали, между прочимъ, П. Я. Гинзбургъ, кн. Наоло Турецкой, пр.-дон. Калъ и другіе. Комната, въ которой собрались гости, была украшена бѣлыми и портретами Л. Н. За обѣдомъ читались отрывки изъ разныхъ произведеній Л. Н.

Вечеромъ въ саду была устроена иллюминація. Къ этому времени на дачу прибыли ученики вѣстной финской школы во главѣ съ учителемъ. И. Е. Рѣпинъ объяснялъ дѣтямъ значеніе юбилея.

Воскрес. 30-е окт. 1908

графа Л. Н., по случаю 80-лѣтія со дня его рожденія, почетнымъ членомъ названнаго университета.

„Свѣтъ“ по этому поводу тонко напоминаетъ кому слѣдуетъ, что

Впрочемъ, есть университетъ, въ которомъ, и послѣ отлученія графа Л. Н. Толстого, онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ; университетъ этотъ—императорскій юрьевскій. Когда праздновался столѣтній юбилей этого университета (12 декабря 1902 года), то къ этому знаменательному дню надлежало избрать рядъ почетныхъ членовъ юрьевскаго (бывшаго дерптскаго) университета. Историко-филологическій факультетъ юрьевскаго университета представилъ, благодаря настоянію тогдашняго и. д. профессора (нынѣ члена-корреспондента нашей императорской академіи) графа Л. Н. Толстого, между прочимъ, и графа Л. Н. Толстого. Писемъ нѣсколько профессора съ профессоромъ богословія протоіереемъ А. С. Царевскимъ, представившимъ въ совѣтъ юрьевскаго университета обширный докладъ о недопустимости этого избранія, во главѣ, протестовали противъ предложенія историко-филологическаго факультета—графъ Л. Н. Толстой, при благосклонномъ отношеніи бывшаго тогда почетнаго члена этого учебнаго округа, отставнаго и тогда большаго дипломатическаго тактомъ, Петра Петровича Извольскаго, нынѣ оберъ-прокурора святейшаго правительствующаго синода, издаваемаго посланіе противъ чествованія этого почтеннаго (см. „Церковныя Вѣдомости“ отъ 23 августа за № 34), былъ утвержденъ почетнымъ членомъ императорскаго юрьевскаго университета.

Тогда же юрьевскимъ университетомъ былъ избранъ почетнымъ членомъ о. Іоаннъ Кроштанскій. Но о. Іоаннъ отказался стоять рядомъ съ „безбожникомъ Толстымъ“. „Свѣтъ“ кончаетъ статью допросомъ „власти“.

Насъ интересуетъ вопросъ, почему графъ Л. Н. Толстой не можетъ быть избранъ въ почетные члены Императорскаго казанскаго университета и въ то же время можетъ оставаться почетнымъ членомъ Императорскаго юрьевскаго университета? Не облагоулять ли объяснить это противорѣчіе „власть имущіе“?

Воскрес. 30-е окт. 1908

ВЧЕРА.

Телеграфныя извѣстія.

Здоровье Л. Н. Толстого возстановляется. Въ Ясную Поляну продолжаютъ притекать привѣтствія со всѣхъ концовъ міра. Получено поощреніе отъ великаго князя Николая Михайловича.

Профессора московскаго университета С. А. Муромцевъ и др. отказались дать подписку о непринадлежности къ анти-государственнымъ партіямъ.

Производится ревизія дѣлъ московскаго университета, главнымъ образомъ, по вопросу о пріемѣ молодыхъ людей въ 1905—1907 гг. Отправлена на 500 руб. рижская газета „Baltische Post“.

Посвященное Л. Н. Толстому собраніе кievскаго общества распространенія образованія въ народѣ было прервано полиціей.

Подъ Кіевомъ въ Никольской слободѣ толпой союзниковъ произведено буйство, въ результатъ котораго много раненыхъ.

Воскрес. 30-е окт. 1908

Москва.

(Отъ нашего спеціального корреспондента по телефону).

Не нашли адресата.

Какъ курьезъ можно отмѣтить, что нѣсколько привѣтственныхъ телеграммъ, адресованныхъ Л. Н. Толстому на московскій адресъ, не дошли до него. Отправители телеграммъ получили сообщеніе, что Толстой на жительства въ Москвѣ не значится и что употребленіе его неизвѣстно.

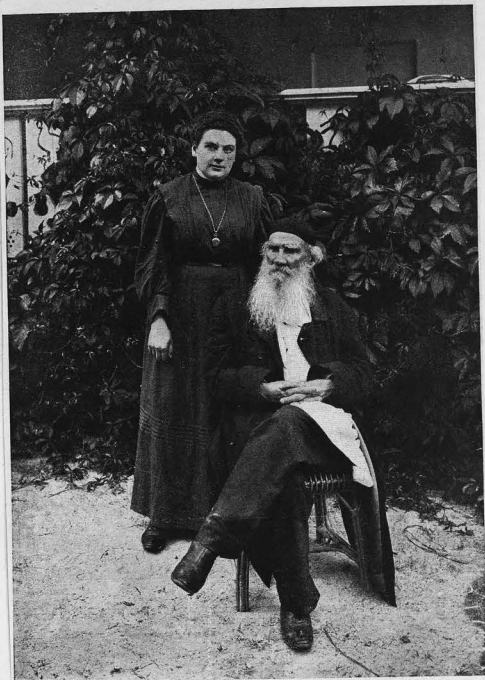
Воскрес. 30-е окт. 1908

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Московское общество грамотности, въ ознаменованіе 80-лѣтія со дня рожденія гр. Л. Н. Толстого, открываетъ народную бібліотеку-читальню его имени. Левъ Николаевичъ выразилъ на это свое согласіе и высказалъ пожеланіе, чтобы бібліотека эта была устроена въ Ясной Полянѣ.

Нов. Врѣмя 30-го Авг. 1908

НЪ ДНЮ 80-ЛѢТІЯ гр. Л. Н. ТОЛСТОГО—28 августа 1908 г.

Л. Н. ТОЛСТОЙ съ младшей дочерью своею графиней Александрой Львовной.

Н.Б. 30-го Авг. 1908

НЪ ДНЮ 80-ЛѢТІЯ гр. Л. Н. ТОЛСТОГО—28 августа 1908 г.

гр. л. н. толстой и гр. софья александровна.
Фотографія снята въ Крыму, послѣ тяжелой болѣзни Л. Н.
По фотографіи, принадлежащей Имп. Публичной Библіотекѣ.

Н. В. 30-44. 1908

Моя первая любовь.

Рассказ В.

Это было очень давно, лет двадцать назад. Я жила в Москве, кончала одну из самых строгих гимназий и была безумно влюблена в величайшего писателя нашего времени. Моя любовь началась с тех пор, как я прочла «Чужь люди живы». Ни одна книга не произвела на меня такого сильного впечатления.

Чувствовалось что-то высокое, светлое, таинственно-глубокое во своей кажущейся простоте.

«Такой же должен быть и он сам», — думала я об авторе.

Я много слышала разговоров о графе Толстом.

Но разве обыкновенные люди, как бы умны они ни были, могут судить его?

Я достала его портрет, — плохую маленькую фотографическую карточку. Он был изображен в черном сюртуке, до самых глаз обросший огромной черной бородой.

Нить, он не мог быть таким! Когда я думала о нем, я мысленно становилась на колени.

Господи, до чего я любила его!

Если бы я могла его увидеть один раз, только один раз в жизни!

Между тем жизнь шла своим порядком. Я сдавала наши, торжественно обставленные, выпускные экзамены. Большинство моих подружек перед каждым экзаменом ходили к Иверской. Меня обыкновенно сопровождала в часовню не французенка-гувернантка, а моя старая няня. Для нее не было большей радости, как молиться перед чудотворной иконой.

О чем молилась няня, — не знаю, а я ставила свечу за его здоровье и молилась о свидании с ним.

Всякий раз я возвращалась из часовни с надеждой встретить его скоро, может быть, даже по дороге домой. Ведь в этом нить ничего невозможного! Мало ли какие случаи бывают. Но почему-то Лень Толстой не встречался на моем пути.

Наступил последний экзамен. Я была в отчаянии. Через несколько дней мы уедем в Малороссию.

Там у меня не будет уже никакой надежды увидеть его.

***

В одном классе со мной была премиальная девочка, Ирма Д. Она училась не очень хорошо, зато прелестью декламировала стихи.

Ирма мечтала поступить на сцену. Мы с ней на этом экзамене ответили один из первых и пошли отдохнуть в пустой класс. Ирма достала из своего стола «Псковитянку» Мен. Я слушала ее чтение, упиваясь музыкой стиха.

«Позволишь ли? Живая лягу в гроб, чтобы со мной простился целованьем».

Ить книги выпал портрет Поссарта, гастролировавшего тогда в Москве. Ирма отложила книгу и с гордостью показала

мне на портрет автограф знаменитого трагика.

— Мне кузины помогли раздобыть его, — рассказывала она. — У меня две кузины учатся в консерватории. Там все эти дела знают. Я пошла к ним в воскресенье в гости. Он взял меня с собой к Поссарту. По дороге я купила эту фотографию, чтобы дать ему надписать. А Берта и Эмма совсем безсовестны: деньги пробили на широкую и попросили Поссарта подарить мне на память портре-

ты. А он ничего, не рассердился, да? Все эти знаменитые актеры, певцы и писатели очень довольны, когда к ним приходят знакомые люди. Они только притворяются, что им все равно, а на самом деле ужасно любят славу! А уж это не считается славой, если человека хотят видеть только родственники и знакомые...

Я не слыхала больше болтовни Ирмы. Словно яркий свет блеснул передо мной. У меня есть карточка Льва Толстого. Я пойду к нему с просьбой надписать ее. Страшно... Но иначе нельзя. Надо будет уговорить няню завтра, послать того, как мы помолились с ней в последний раз у Иверской. Я знала, что граф Толстой живет в Хамовниках, в собственном доме. Для московских извозчиков вполне достаточно подобного адреса.

***

К моему удивлению, уговорить няню оказалось совсем нетрудно. Но совершенно невозможно было объяснить ей, что такое граф Толстой. Она поняла по-своему и упорно твердила:

— Святой жизни! Проричает? Знамо дело, емназо кончили—хочется о жених погадать. Эдакую красоту вам Бог дал! Все-то на вас так и зорют, так и зорют.

— Нянюшка, милая, — просила я, — не говорите только madame Фулло, что мы с вами у графа Толстого были. Она мне стыжнется. Мама будет недовольна, что я не спросила пошла. А мне так хочется его видеть. Я и у Иверской об этом молилась.

— Нешто я Французинок скажу?

Она — мытарка. Только бы детей мытарить, да допотопить невесты что. Ее, бусурманку, праведный человек и на пороге не пустит. Нешто я про нее не знаю...

Няня начала длинный перечень преступлений madame Фулло. Я ее не слыхала. Мы фхали скоро, слишком скоро. Я испугалась, когда мы остановились у дома графа Толстого.

Дверь открыл лакей во фраке. Мы вошли в переднюю.

— Мне надо видеть графа Льва Николаевича.

— Они заняты. Принять не могут.

— Мне только на одну минуту. Скажите, что с просьбой.

— Как о вас доложить прикажете? Я сказала. Лакей пошел вверх по деревянной лестнице.

Я ждала ответа.

Граф просит вас обждать. Он сейчас выйдет.

Лакей открыл передо мною дверь соседней комнаты. Я усадила няню в переднюю на асеновый диван, а сама с замиранием сердца прошла в его рабочий кабинет.

Светлая, довольно большая квадратная комната с выбеленными известкой стенами... Несколько соломенных стульев. У окна — простой белый деревянный стол. В углу — какая-то грубо сделанная машина или инструмент. Я не разобрала хорошенько. Рядом лежал недокопченный сапог. Это должно быть и есть верстак, на котором граф Толстой шьет сапоги. На столе были разбросаны книги; валялось перо. Чернышницы не было; только маленькая черная бутылочка.

Мне удалось из одной из книг издали прочесть заглавие: «Сочинения Достоевского».

Вдруг мне послышалось, что кто-то спускается с лестницы. Я стояла среди комнаты и, боясь шевельнуться, смотрела в открытую дверь.

Я ждала его.

Раздались легкіе и въ то же время твердые шаги. Мое сердце забилося до боли. Все существо мое рвалось къ нему на встрѣчу.

Это былъ онъ.

Левъ Толстой быстро вошелъ въ комнату.

Онъ мнѣ что-то сказалъ. Кажется, протянулъ руку. Не знаю навѣрное. Мнѣ бы и въ голову не пришло, что я могу подать ему руку. Я только смотрѣла на него, смотрѣла, вся замирая отъ счастья.

Высокій, сильный, съ живыми, свободными движеніями—онъ казался моложе своихъ лѣтъ. Онъ казался мнѣ увѣреннымъ въ своей силѣ, увѣреннымъ въ правотѣ своего ученія и жизни. Онъ былъ въ синей рабочей блузѣ, подпоясанной узкимъ ремнемъ. Изъ-подъ великобѣнаго, мыслящаго лба съ нахмуренными бровями на меня пристально глядѣли глубокіе сѣрые глаза.

Никогда я не забуду этого взгляда. Какой-то особенный. Вдумчивый, настойчиво-пытливый. Для этихъ глазъ не могло быть ничего скрытаго въ душѣ чело-вѣка...

— Ну, что же! Я не скрываю... Я пу-стая, ничтожная дѣвчонка, но я люблю васъ... Если вамъ когда-нибудь понадо-бится чело-вѣкъ, который съ радостью умеръ бы за васъ, то вспомните обо мнѣ и позовите...

Слава Богу! Я не сказала это.

— Чѣмъ я могу быть вамъ полезнымъ? Да, это говорилъ онъ, и я должна бы-ла отвѣтить.

— Простите, что я пришла къ вамъ, но мнѣ очень хотѣлось бы имѣть вашу карточку съ вашимъ автографомъ.

— Я никому не даю моихъ портре-товъ. У меня даже ихъ нѣтъ.

— Я принесла съ собою вашу кар-

точку. Вы только подпишите. Пожа-луй-ста! Ради Бога! Ну, что вамъ стоитъ!

Улыбка пробѣжала по его губамъ и от-разилась мягкимъ блескомъ въ глазахъ.

Онъ быстро повернулся, сѣлъ къ столу, взялъ перо. Я положила передъ нимъ карточку. Онъ сталъ разсматривать ее, какъ будто въ первый разъ видѣлъ. Легкая тѣнь досады омрачала его свѣтлое лицо... Я вспомнила то мѣсто въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ», гдѣ Толстой говоритъ, что онъ знаетъ, что очень некрасивъ и страшно этимъ мучается. Вѣрно и теперь (хотя онъ выше всѣхъ людей), ему тяжело видѣть себя уродомъ на этой ужасной фотографіи.

Левъ Толстой обмокнулъ перо, но тотчасъ же нетерпѣливымъ жестомъ отбросилъ его.

— Здѣсь нѣтъ чернилъ. Придется вамъ немного подождать.

Онъ всталъ изъ-за стола съ несчастной карточкой въ рукѣ.

Отчего я не рѣшилась сказать ему: «Бросьте эту карточку. Мнѣ она не нужна. Я буду всю жизнь помнить васъ такимъ, какъ я вижу васъ теперь. Такимъ, какъ я люблю васъ...»

Наши глаза встрѣтились.

Опять этотъ глубокий, все понимающій, взглядъ. Я вспыхнула и опустила глаза. Вотъ до чего я дошла!

Я не смѣла больше стоять передъ нимъ съ открытою душой, въ которой онъ читалъ, какъ въ книгѣ...

Уходя, въ дверяхъ, онъ еще разъ оглянулся на меня.

— Это васъ ждутъ? — спросилъ онъ.

— Тамъ сидитъ моя няня. Я пришла съ няней.

(Господи! Недоставало только этого позора).

Онъ былъ такъ добръ, что не засмѣялся надо мной.

— Это хорошо, что вы еще ходите съ няней,—просто сказалъ онъ.—И какая славная старушка!—продолжалъ онъ уже въ передней.—Ну, что, старушка, какъ поживаетъ?

— Мнѣ что? Я ничего. Эстолько лѣтъ въ генеральскомъ домѣ прожила. Всѣхъ дѣтей у господъ своихъ вынячила. Что мнѣ говорить? Я—съ барышней. Потому, какъ она еще глупая. Совсѣмъ ребенокъ малый...

Я слышала его удаляющіеся шаги. Онъ подымался по лѣстницѣ. Все кончено. Никогда больше я не увижу его.

Я окинула прощальнымъ взглядомъ его комнату. Я нагнулась надъ столомъ и поцѣловала перо, которое онъ держалъ въ своей рукѣ и... бросилъ.

Одна изъ дочерей графа принесла мнѣ отъ него карточку. На обратной сторонѣ смѣлымъ своеобразнымъ почеркомъ было начертано: «Левъ Толстой».

Мы съ няней ушли изъ его дома.

...

Было чудное весеннее утро, съ голубымъ небомъ, съ ласковыми, теплыми лучами солнца. Мы шли бульваромъ, съ недавно посаженными молодыми липами. Нѣжныя, тоненькія деревья были заботливо окружены желѣзными рѣшетками. Деревца только еще начали зеленѣть. Листочки были совсѣмъ свѣженькіе и такіе маленькіе, роб-

кіе, бѣдные. Мнѣ стало почему-то жалко ихъ. Мнѣ стало жалко себя. «Ему не надо моей любви,—думала я.—Никогда больше я не увижу его...» Слезы туманили мнѣ глаза.

— Умиющій человекъ, а много на дурака похожъ!—разсуждала няня.—Эдакъ сдѣвись!..

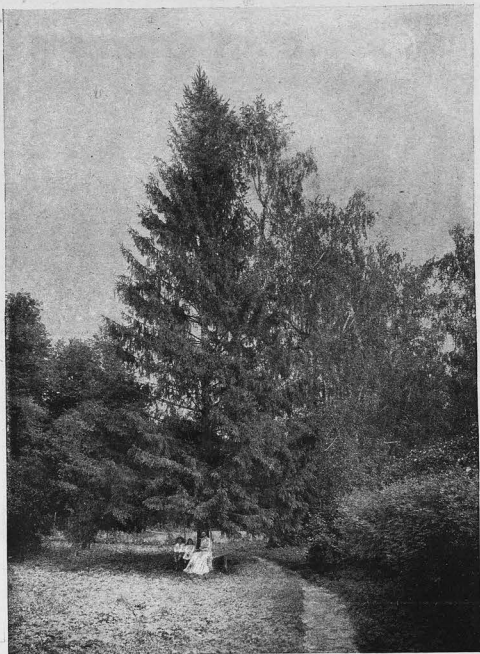
— Ахъ, нянюшка, не надо такъ говорить! Онъ самый умный, самый добрый, самый лучшій человекъ въ мірѣ...

Мое предчувствіе оправдалось. Я никогда больше не видѣла графа Толстого.

Я никому не говорила о моей первой любви. Только теперь, когда со всѣхъ сторонъ посылаются привѣтствія графу Льву Николаевичу Толстому, это давно прошедшее снова ожило.

Н. В. 30-я. 1908

КЪ ДНЮ 80-ЛѢТІЯ гр. Л. Н. ТОЛСТОГО—28 августа 1908 г.

Елка въ саду усадьбы, передъ домомъ. На снимекѣхъ подъ деревомъ—два внука Л. Н. ТОЛСТОГО
съ ихъ гувернанткой.

Н.В. 30-Ав. 1908

Гр. Л. Н. ТОЛСТОЙ съ своимъ внукомъ.

Н.В. 30-46. 1908

Дядюшкѣ въ июль 1908 г. въ Ясной Полянѣ.

Н.В. 30-46. 1908

День Толстого.

Итак, день прошёл, что называется, „въ порядкѣ“: собраний не было, никто не скопился и не толпился, а вечеромъ нигдѣ не было видно праздничныхъ огней, — помните, какъ сказано у поэта про юбилей Шллера:

День насталъ, и вся Европа встала,
Засвѣтила тысячи огней
И отбѣла, и отливала
Шллера столичный соборъ.

Впрочемъ въ Европѣ закинули огни и въ честь Толстого; но вѣдь мы еще — не Европа, иноземный прѣтокъ приколетъ у насъ, какъ извѣстно, къ туземному столу...

Былъ ли однако этотъ день торжествомъ циркулярнаго всемогущества? Едва ли. Скорѣе, наоборотъ, мы получили осязательное доказательство того, что въ народной жизни есть такіа стихіи, надъ которыми не властна никакая земная власть. Россія мысленно прожила этотъ день въ Исной Полянѣ. Июшки не горѣли, но сердца не „истинно“, а про-

сто русскихъ людей зажглись огнемъ того великаго чувства, которое можетъ быть названо чувствомъ національной солидарности; въ жизни Россіи выдался день, когда всѣ, кому доступенъ не казенный, а настоящий патриотизмъ, жили, какъ одинъ человѣкъ, общою мыслью, съ однимъ и тѣмъ же именемъ на устахъ, — великимъ именемъ великаго человѣка, котораго нельзя чествовать. Понимать ли казенные политики, какимъ могущественнымъ центромъ общенароднаго сознанія, служатъ такіа вынужденно-молчаливыя манифестаціи народнаго духа, когда многомиллионный народъ вдругъ на дѣлѣ узнаетъ, что его сыны даже и безъ словъ способны внезапно сдѣлаться въ одномъ вѣлномъ чувствѣ? Если бы они это понимали, они не приложили бы столькож стараній для устройства такого опыта.

Когда-то на одномъ обѣдѣ въ Москвѣ среди многихъ шумныхъ тостовъ Герценъ предложилъ всѣмъ встать и молчаливо рѣшить за здоровье одного славянскаго поэта, о которомъ нельзя говорить, котораго нельзя назвать. Всѣ встали и пили молча. Не нужно было словъ для того, чтобы всѣ сразу поняли, о комъ идетъ рѣчь. И торжественно выдѣлился этотъ молчаливый тостъ среди шумнаго пира. Бываютъ случаи, когда мысль передается на разстояніи безъ помощи слова. Герценовскій тостъ за Мицкевича доказалъ возможность такого опыта въ небольшомъ сравнительно собраніи близкихъ единомышленниковъ. Циркулярныя запрещенія въ день Толстого распространили такой же опытъ на всю Россію. И что же мы узнали? Мы узнали то, что всѣ мы безъ различія партій, классовъ и мѣстожительства составляемъ на пространствахъ всей Россіи тѣсную семью единомышленниковъ въ вопросахъ истинной славы нашей родины, ибо мы и безъ словъ, рѣчей и собраний жили одной мыслью, однимъ чувствомъ. О, лучше молчать, если нельзя высказать всего, и тогда молчаніе становится краснорѣчивымъ и общепонятнымъ. И абсолютное восприятие собраний въ день Толстого было въ тысячу разъ лучше, чѣмъ если бы были допущены собранія по избранной программѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, чего добраго, Россіи пришлось бы чествовать Толстого даже не какъ художника вообще, а исключительно, какъ писателя-баталиста (ср. статью Рус-

скаго Инвалида). Вмѣсто того вся Россія въ этотъ день вынужденно, но осмысленно сообщила молчала. Но въ жизни народа ничто не проходитъ безслѣдно. Вѣдь мы знаемъ русскій обычай: садятся и вдумчиво сообща молчать передъ отправленіемъ въ новую путь-дорогу.

А. Кизеветтеръ.

Рус. Инд. 30-46. 1208

— Въ августовской книгѣ *Русскаго Бюлетеня* помѣщена статья о Толстомъ З. Г. Короленка, написанная со свойственной ему содержательностью и яркостью. Особенно интересны въ ней стрѣны, посвященныя характеристикѣ художественнаго гения Толстого. Самъ боль-

шой художникъ, В. Г. Короленко поражается болѣе всего «огромностью художественнаго горизонта Толстого».

Мы, люди работающіе въ нижнихъ слояхъ той же области, надъ которой высятся и паритъ Толстой, особенно живо чувствуемъ почти титаническую силу его художественнаго полета. Средній художникъ считаетъ себя счастливымъ, если напряженіемъ творческаго воображенія ему удастся выхватить изъ безформеннаго хаоса явленій одну освѣщенную тропу, въ лучшемъ случаѣ пробить просѣку, по которой выветрятся послѣдовательное развитіе даннаго образа, освѣщая кое-что и по сторонамъ главной дорожки. Художественный захватъ Толстого, это — не тропка, не просѣка, не лента дороги. Это — огромный, далеко и широко раскинувшійся кругозоръ, лежащій передъ нами во всемъ своемъ неизмѣримомъ просторѣ, съ изгнанными рѣкѣ, пятнами лѣсовъ, дальними селами. Подойдѣ ближе къ зобѣмъ мѣстамъ, и передъ вами зашумитъ многоголосый, живой толпой тѣсни. Еще ближе, — и вы видите изъ нея отдѣльныхъ людей. И все это живетъ собственной, полной, настоящей жизнью, кипучей, своеобразной и многообразной...

Для иллюстраціи В. Г. Короленко сравниваетъ картины войны, данныя Толстымъ въ «Войнѣ и мирѣ», съ такими же картинами Золя въ «Débacle».

Въ своемъ «Разгромѣ» Золя — архитекторъ, отлично владѣющій матеріаломъ и распредѣляющій его какъ математикъ, по закону: необходимо и достаточно. Порой въ его строго расчитанной картинѣ чувствуется чертѣжъ и полостриженная аналитика. Творческое воображеніе Толстого не знаетъ удержу: поле его фантазіи засыпано могучей порослью, буйно разрастающейся за всякія органы намѣченнаго плана. У него нѣтъ главнаго героя. Его герой — цѣлая страна, борющаяся съ нашествіемъ врага. Въ его картинѣ сотни лицъ, и каждое, даже случайна, мимоходомъ выпущенное на арену, точно же занимаетъ о своей яркой особености, сильно захватываетъ ваше вниманіе для своей собственной, личной жизни, не хочетъ уйти изъ вашей памяти... Толстому по силамъ то, чѣмъ измѣгомъ бы всякій другой. Своимъ истинно-оригинальнмъ взглядомъ онъ все время обозрѣваетъ огромное поле своего дѣйствія, не теряя изъ виду ни одного лица въ отдѣльности и не позволяя имъ закрывать передъ собой лицо...

Общій выводъ В. Г. Короленка о силѣ художественнаго творчества Толстого такой:

«Да, это почти вѣчеловѣческая сила воображенія и почти вѣчеловѣческая сила ипнцпалнаго отраженія жизни. Можно сказать смѣло, что по всепокрывающей силѣ творческой фантазіи, по богатству и яркости художественнаго матеріала нѣтъ равнаго Толстому изъ современныхъ художниковъ. Всемирно извѣстный Иосифъ не можетъ и отдаленно сравниться съ Толстымъ въ этомъ отношеніи: его порой очень глубокая мысль далеко не всегда покрывается слишкомъ для нея скудными образами, и художнику то-и-то приходится прибѣгать къ запатамъ сухаго, отвлеченнаго и безкровнаго символизма».

Рус. Инд. 30-46. 1206

Къ юбилею Л. Н. Толстого.

— Намъ телеграфируютъ изъ Козловой Засѣки: Восемьдесятитѣтъ Лва Николаевича Толстого въ Ясной Полянѣ отпраздновано было тихо, въ кругу семьи и нѣсколькихъ изъ самыхъ близкихъ друзей. Левъ Николаевичъ особенно много работалъ въ этотъ день, выдавшійся по своей теплой, солнечной погодѣ. Весь день приходили тысячи восторженныхъ привѣтствій со всѣхъ концовъ Россіи и всего міра. Къ обѣду Левъ Николаевичъ выбѣжалъ въ подвешномъ креслѣ изъ кабинета и бесѣдовалъ съ собравшимися. Въ концѣ вечера, перечитавъ особенно обратившій его вниманіе адресъ отъ австралійскихъ союзомъ земельной реформы, онъ тутъ же продиктовалъ братскій отвѣтъ австралійцамъ. Привѣтствія продолжаютъ стекаться въ огромномъ числѣ.

— Комитетъ съѣзда представителей русской печати въ Петербургѣ разсматриваетъ русскимъ и иностраннымъ писателямъ, общественнымъ дѣятелямъ и художникамъ предложеніе принять участіе въ предложенномъ сборникѣ мнѣній и впечатлѣній, касающихся великаго художника и мыслителя Л. Н. Толстого. Въ виду сравнительно небольшого объема сборника ожидаемыя статьи не должны представлять собою обширныхъ характеристикъ, и рѣчь можетъ идти только объ общемъ взглядѣ, мнѣніи или впечатлѣніи какъ относительно цѣльнаго обанка великаго писателя и его основныхъ воззрѣній, такъ и относительно отдѣльныхъ произведеній, даже отдѣльныхъ главъ, сценъ, мнѣній. Желательны краткіе отклики въ 40—100 стр. и даже менѣе, и не позже 1-го октября.

— Изъ вышедшихъ въ послѣднее время портретовъ Л. Н. Толстого заслуживаетъ вниманія по удачности и дешенности серия открытокъ съ фотографій В. Чертова (Серія I. №№ 1—12). На этихъ открыткахъ Л. Н. Толстой представленъ снятымъ по поясъ въ различныхъ поворотахъ головы и съ различнымъ выраже-

ніемъ лица и глазъ. Подъ каждымъ портретомъ какое-нибудь изреченіе Толстого.

— Намъ доставлены еще копіи телеграммъ, посланныхъ Л. Н. Толстому.

Отъ харьковскаго университета, харьковскаго Общества взаимопомощи трудящихся женщинъ, правленія Общества взаимопомощи русскихъ крестьянъ, группы служащихъ службы сборовъ Сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ, совѣта московскаго клуба торгово-промышленныхъ служащихъ, рабочихъ типографій „Русская Вѣдомостей“, московскаго еврейскаго благотворительнаго Общества „Знаніе“, интеллигентной колоніи „Бриница“ и многихъ частныхъ лицъ.

Юбилейное чествование Л. Н. Толстого въ провинции.

Вѣщныя условія, при которыхъ пришлось устраивать юбилей «великаго писателя земли русской», были въ высшей мѣрѣ неблагоприятны. По мѣрѣ того какъ приближалось 28-го августа, газеты все болѣе и болѣе пестрѣли извѣщеніями со всѣхъ концовъ Россіи сообщеніями о разныхъ противодѣйствіяхъ устройству этого юбилея, и можно было думать, что при такомъ условіи юбилейный день пройдетъ ничѣмъ не отмѣченнымъ. Къ великому удовольствію, мы должны сказать, что полученныя вчера сообщенія съ мѣсто даютъ основанія полагать, что побѣда осталась не вполнѣ на сторонѣ противниковъ юбилея. Провинциальнымъ газетамъ въ некоторыхъ случаяхъ удалось тѣмъ или инымъ путемъ отозваться на великій праздникъ литературы. *Кіевскія Вѣсти*, *Волгарь*, *Нижегородскій Листокъ*, *Смоленскій Вѣстникъ*, *Орловскій Вѣстникъ*, *Ватская Рѣчь*, *Рижскія*, *Тифлисскія* газеты посвящали Толстому рядъ статей, проникнутыхъ глубокимъ къ нему уваженіемъ, выясняющихъ огромную цѣнность его литературныхъ трудовъ. Нѣкоторымъ провинциальнымъ газетамъ однако пришлось ограничиться лишь самыми коротенькими, но очень характерными для настоящаго момента замѣтками, въ родѣ, напримѣръ, такихъ. Находящаяся въ Вологдѣ газета *Северъ* оказалась вынужденной помѣстить редакционную замѣтку слѣдующаго содержанія:

«Сегодня, въ день восьмидесятилѣтней годовщины жизни великаго писателя земли русской Льва Николаевича Толстого, читатели наши обратятся къ *Северу* въ ожиданіи встрѣтить въ немъ очерки, посвященные юбилею и произведенія его творчества. Мы не могли и не можемъ идти навстрѣчу этимъ ожиданіямъ».

Редакція было дано указаніе о недопущеніи въ газетѣ «демонстративныхъ статей» и замѣтокъ въ связи съ 28-мъ августа. «Отсутствіе въ указаніи границъ между демонстративностью, влекущею за собою извѣстнаго рода конфликтъ, и демонстраційностью, свободною отъ такихъ послѣдствій, обязываетъ насъ воздержаться отъ участія въ сегодняшнемъ торжествѣ. Работая въ извѣстныхъ условіяхъ, мы, естественно, должны считаться съ ними, а считаясь, должны избрать этотъ выходъ изъ создавшагося положенія, какъ наиболѣе искренній и правильный».

Другая газета, *Старый Владимірецъ*, по независимости отъ нея обстоятельствъ могла только помѣстить портретъ юбиляра и такую замѣтку:

«Сегодня исполняется 80 лѣтъ со дня рожденія Льва Николаевича Толстого. Настоящій моментъ является далеко не благоприятнымъ для того, чтобы дать полную оцѣнку его дѣятельности. Ограничиваемся поэтому пожеланіемъ маститому старцу дозрѣнія и продолженія литературной дѣятельности, признанной во всемъ цивилизованнымъ міромъ».

Въ Ярославлѣ, — сообщаетъ нашъ корреспондентъ, — знаменательный день 80-лѣтія со дня рожденія г. Л. Н. Толстого, въ городѣ, имѣющемъ почти 100-тысячное населеніе и высшее учебное заведеніе, прошелъ совершенно по-будничному и остался положительно ничѣмъ не отмѣченнымъ.

Это почти всецѣло объясняется тѣмъ, что полиціей были приняты заранее соотвѣствующія мѣры въ видѣ отобранія подписокъ отъ владѣльцевъ типографій и т. п. Мѣстная печать обшла юбилей или похвѣлымъ молчаніемъ, или ограничилась заявленіемъ: по независимости отъ редакціи обстоятельствомъ... не могли быть помѣщены и т. д. Только органъ мѣстнаго отдѣла союза русскаго народа посвящалъ юбилею положительно весь номеръ до одной строчки, наполняя его ругательскими по адресу великаго писателя.

Въ нѣсколькихъ городахъ устройство 28-го августа чествованій Толстого было воспрещено на томъ основаніи, что этотъ

день — «канунъ праздника». Въ другихъ мѣстахъ являвшаяся полиція требовала разойтись даже небольшія собранія почитателей писателя. Всѣ эти факты показываютъ, какъ всемірно затруднено устройство общественныхъ чествованій Толстого. Только въ Кишиневѣ, насколько пока извѣстно, со стороны мѣстной администраціи не послѣдовало противодѣйствія такому чествованію, какъ это извѣстно изъ сообщенія *Русск. Слова*. Газета сообщаетъ, что 28-го августа съ разрѣшенія губернатора кишиневскіе граждане при переполненной залѣ въ Благородномъ собраніи чествовали восьмидесятилѣтіе Л. Н. Толстого. Передъ бюстомъ, утопавшимъ въ зелени, рядъ ораторовъ сдѣлалъ всестороннюю оцѣнку значенія знаменитаго писателя. Собраніе закончилось чтеніемъ многочисленныхъ привѣтственныхъ телеграммъ отъ учреждений, группъ и организацій.

Рус. Вѣд. 30-го авг. 1908

— 28-го августа въ Куоколо у художника И. Е. Рѣпина былъ устроенъ такъ-называемый Толстовскій день. Обѣдъ, на которомъ присутствовало много гостей и между ними скульпторъ Гинзбургъ и князь П. Трубецкой, былъ составленъ изъ вегетарианскихъ блюдъ; спиртные напитки и табакъ отсутствовали. За обѣдомъ скульпторъ Гинзбургъ читалъ свои воспоминанія о Толстомъ. И. Е. Рѣпинъ выдѣлилъ къ юбилею новый бюстъ великаго писателя. Толстовскій день прошелъ оживленно (*Корр. «Русск. Вѣд.»*).

— Въ коммерческомъ училищѣ товарищество педагоговъ постановило учредить двѣ стипендіи имени Толстого и Тургенева (*Корр. «Русск. Вѣд.»*).

Рус. Вѣд. 30-го авг. 1908

Параллели.

(По поводу юбилей Л. Н. Толстого).

«Юбилей Толстого ничѣмъ не омѣненъ. Газеты по независимымъ обстоятельствамъ обошли его молчаніемъ»...

Какъ характерна эта телеграмма изъ Ярославля. Сколько такихъ же сообщений идетъ изъ другихъ мѣстъ по поводу юбилей всемірно-извѣстнаго писателя.

Грустные мысли роятся въ головѣ, когда сопоставишь празднованіе 80-мидесятилѣтія Л. Н. Толстого съ аналогичными фактами изъ недавняго, правда, но окончательнаго, казалося бы, сдѣланнаго въ архивъ нашего темнаго прошлаго. Десять лѣтъ назадъ русское общество не могло отпраздновать семидесятилѣтія великаго сына Россіи. Точно также не могла сдѣлать этого и русская пресса, являвшаяся при старомъ режимѣ почти единственной выразительницей общественнаго мнѣнія. Не только чествовать любимыхъ писателей, но даже выражать имъ сочувствіе по случаю выздоровленія отъ тяжелой болѣзни лишена была подчасъ возможности русская интеллигенція: «возможно рѣже сообщать телеграммы, въ коихъ выражается сочувствіе обществу Л. Н. Толстому по случаю его выздоровленія»,—гласилъ циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати, разосланный безцензурнымъ газетамъ 1-го іюля 1901 года.

Старое правительство такъ боялось проявленія этого общественнаго сочувствія и симпатій къ оцѣнкамъ писателямъ, что пыталось скрыть даже ихъ мѣстопробываніе. «Не сообщать никакихъ свѣдѣній,—гласилъ циркуляръ того же учрежденія отъ 8-го августа,—о проѣздѣ Л. Н. Толстого на Югъ, о встрѣчахъ, устраиваемыхъ ему, и о привѣтствіяхъ, обращаемыхъ къ нему писателями со стороны его почитателей». Не переносивъ изъ *Петербургской Газеты*,—гласилъ также циркуляръ 9-го сентября,—объ отъѣздѣ гр. Толстого.

55

Л. Н. Толстой отношу не быть единственными в числе опытных писателей, чествовать которых запрещалось русскому обществу. За год перед тем, 15-го ноября 1900 г., главное управление напомнило газетам о запрещении сообщать какая-либо свідѣнія относительно чествования литературной деятельности другого взятецеля думъ русской интеллигенции, Н. К. Михайловскаго. Характерный эпизодъ въ этомъ отношеніи былъ въ 1901 г. съ Максимомъ Горькимъ. Передавая его словами официальнаго документа: «Газетныя сообщенія послѣднихъ дней,—гласитъ этотъ документъ отъ 11-го ноября 1901 г.,—разнесли въ публичнѣ свѣдѣнія, что въ Н.-Новгородѣ происходитъ рядъ чествованій отбывающаго на Югъ писателя Горькаго, причемъ, по дошедшимъ слухамъ, чествованія эти, сопровождаемыя свѣчами и вызывающими рѣчами, во многихъ случаяхъ носятъ чисто-демонстративный характеръ. Будущей элементъ среди учащейся молодежи, принявъ во вниманіе, что путь свѣдѣванія Горькаго лежитъ чрезъ Москву, гдѣ онъ намѣренъ былъ проѣздомъ остановиться, рѣшилъ воспользоваться въ своихъ цѣляхъ этимъ обстоятельствомъ, выпустивъ прокламацию 6-го ноября за подписью «Нижегородца», призывающую публику къ демонстративной здѣсь встрѣчѣ писателя, который будто бы «насилственно» удаляется изъ Нижняго-Новгорода. Принимая во вниманіе, что нижегородскій пеховой Алексѣй Максимовъ Ишпковъ, какъ поддѣльный по серьезному политическому преступленію, не распознается правомъ на основаніи въ здѣшней столицѣ и къ тому же агитаторъ, какъ стало извѣстно, успѣвъ къ вечеру 7-го ноября завербовать до 300 человекъ, согласившихся на участіе въ назначенной на 8-е демонстраціи при встрѣчѣ Горькаго на вокзалѣ въ Москвѣ, были приняты мѣры къ недопущенію здѣсь проявленія какихъ-либо нарушеній порядка, подобно имѣвшимъ мѣсто при выѣздѣ его изъ Нижняго-Новгорода, въ видахъ чего Горькій не былъ допущенъ въ столицу и проѣхалъ прямо въ Подольскъ. Учащаяся молодежь, нахлебавшаяся устроить демонстрацію, съ утра этого дня стала постепенно собираться на Моск.-курск.-ниж. вокзалъ, и

ко времени прихода поѣзда № 3 образовалась здѣсь толпа въ количествѣ около 500 человекъ, преимущественно учащихся обоего пола, среди которыхъ обращала на себя вниманіе кучка студентовъ, представлявшая собравшимся портретъ г. Л. Н. Толстого въ рамѣ размѣромъ около аршина, причемъ державшій этотъ портретъ студентъ университета несъ его нѣсколько приподнято, такъ что онъ былъ виденъ всей толпой; затѣмъ изъ этой же кучки былъ вынужденъ какой-то злѣтъ (очевидно, арестъ), на которомъ дѣлались присутствующими подписи карандашомъ; злѣтъ этотъ возвращенъ былъ студенту, державшему портретъ Толстого, причемъ тотъ, получивъ злѣтъ, сложилъ его и положилъ въ боковой карманъ, а присутствующіе при этомъ настаивали на томъ, чтобы онъ произнесъ попростушеніе и горячее... Между тѣмъ толпа встрѣтила два утреннихъ поѣзда, пришедшихъ въ Москву, и, не найдя среди прѣхавшей публики Горькаго, въ недоумѣніи стала сообщаться о дальнѣйшихъ своихъ дѣй-

ствіяхъ. Въ это время кто-то изъ толпы узналъ, что вагоны, въ которыхъ ѣхалъ Горькій, отцеплены на ст. Москва 2-я. Слухъ этотъ быстро пронесся въ толпѣ, и всѣ собравшіеся ринули идти туда. Прибывшихъ на станцію Москва 2-я встрѣтили два студента, которые и сообщили собравшимся товарищамъ, что Горькаго и здѣсь нѣтъ, а онъ, въ дѣйствительности, въ это время уже былъ отправленъ въ Подольскъ, такъ что толпа ослѣдствовала къ его прибытію на эту станцію и не видала ни Горькаго, ни его семьи. Въ виду такой неудачи собравшіеся оставались только разойтись по домамъ, не достигнувъ и намѣченной цѣли, что они и сдѣлали».

Таковъ эпизодъ. Быть-можетъ, и не было основанія тайкомъ увозить Горькаго изъ боязни сочувственной демонстраціи опыльному писателю. Но всѣмъ здѣсь готовился протестъ; къ тому же это было время, когда о вѣзности представительнаго правленія еще не мысляли. Многие пережили мы за истекшіе годы. Запретное слово «представительство» не только получило право гражданства, но реализировалось въ жизни въ законодательное учрежденіе. И что же? Но демонстрація, а юбилейное чествованіе выдающаго русскаго писателя встрѣчать на пути своего осуществленія непреодолимыхъ препятствій.

Стыдно и больно... Впрочемъ, по собѣту *Новаго Времени* мы можемъ найти утѣшеніе въ томъ, что это лѣтъ назадъ великимъ писателемъ въ Россіи приходилось еще хуже. Всѣ запрещенія, связанныя съ юбилеемъ Л. Н. Толстого, суворинскій органъ считаетъ даже «сра на булавочными уколами» въ сравненіи съ тѣмъ, что пыталъ Пушкинъ.

«Въ своемъ «святой святыхъ», въ своемъ вдохновеніи, онъ былъ постоянно стѣсненъ, онъ не могъ даже для самого себя или для будущаго набросать своихъ смѣлыхъ мыслей и цривенныхъ образцовъ, потому что стоглавыя аргусы слѣдили за каждымъ его дыханіемъ. И, можетъ-быть, остались безъ исполненія его лучшія, его благороднѣйшія вдохновенія».

Дѣйствительно, протестъ чрезвычайной большой. Запрещаютъ юбилейныя торжества, но вѣдь никто не сомнѣвается, что Л. Н. Толстой—великій писатель. Еще бы! Указъ св. синода,—говоритъ *Новое Времѣ*,—приманетъ Л. Н. Толстого «однимъ изъ великихъ писателей не только русской, но и всемірной литературы»; губернаторскія распоряженія не праздновать юбилея диктуются, но славятъ газетъ, конечно, исключительно боязнью нарушенія общественнаго порядка». Итакъ, протестъ большой; никто не отрицаетъ, что Л. Н. Толстой извѣстенъ всему культурному миру.

С. М.—въ.

Рус. Вѣд. 30-го н. 1908

Offint. Mch. 18.
30. apr. 1898.

N 201.

Var Leiva Tolstoja dšihwi un dar-
beem, tā mūs luhds ašrahdiit, rihtbeem plst.
1/28 „Mejā“ lašis pašhšamais leštors R. Š.
Arabashins. Ta pašča šatura lešjišs wiņš jau
notahjišs Deepajā un Jelgavā, šur tās jo šiti
ušemtas no šaušiošiem.
Leivam Tolstojam ašhweiššanas telegro-
mu no Rigos beš jau minetām eestahdem no-
suhtijuse ari ša beedriba „Rafa“.

Eefichseme.

Tafnaja Boiana.

Peterburgas laftrafjam "Selo" no 28. a u g u s t a s i n o :

"Deenu Tolfsojs pawadija meerigi giuencs un tuwu draugu widā; atweletošchāns eet labi uš preefichu, bet Dewš Rifolajewiſchš wehl

juchās noguris. Wechſluses, telegramas, adrejes, dahrowas beš pahtraufuma pluſht no wiſas Kreewiſas un wiſas paſaules. Tolfsojs dſiti aifkufliuats no miſleſtibas un liſhjuſhibas pa-raſhjuumeem, furus wiſch nepeerehſkina ſew, bet tam, kam wiſch ženiſchs falpot ar wiſeem ſpehſeem. Wiſch turpina beš pahtraufuma ſawu literariſto darbidu."

Apſweifumi uš Tolfsoja jubileju.

I.

No neſſaitameem apſweifumeem, kuzi uš 28. auguſtu preeſhiti leelaiu kreewu rafſtuceſam Dewam Tolfsojam, paſneebjam laſhdus wairat eewehrojamus.

Maſkawas tā ſautiſs profeforu awiſes "Ruſſija Wedomoſti" redahija apſweifuſe garwiſneku ar ſchāhdu telegramu:

"Ruſſija Wedomoſti" pweeeno ſawu firnigo apſweifumu tai leelai balſu kopai, kuras ſcho-deen neš no wiſām Kreewiſas malam, no wiſām paſaules ſemem alſinibas, apbrihnoſchāns un ſajuchſhibas iſteikums diſchojam rafſtneekam, neyahſpehjamam wahdrā maſhſlineekam, neap-tuſucham pateſhibs meſſetiojam, turſch ar ſawu geniſu aiflaſhiis wiſas žitwezes preeſchā kreewu tautas garigo ſpehju. Sules muſchu Dewam Rifolajewiſcham, nemirſtiſa ſlawā wina rafſcho-jumeem."

Kreewu rafſtneezibas weizinataju beedriba preeſhitiſhe Tolfsojam ſchāhdu adreſi:

Augſti žeenijamais un dahrgais Lew Rifolajewiſch! Labi paſhbdama juſhu nemihleſtibu pret wiſām ſhwinibam, kreewu rafſtneezibas weizinataju beedriba pee Maſkawas uniwerſitates tomehr apnechuſes greſtees pee jums ſchāt deenā ar apſweifuma wahdrū. Rejaſhſim ſche runat par to, žil ſoti beedriba juſh ſeena tā diſcho maſhſlineeku un apgaſmoto diſhweš ſſo-lotoju; miſlioneem juſhu ženitoju no wiſām paſaules ſemem ſen apleezinajuſchi, tā juſhšs cerauga wiſa žitweze ſpehju, kuzam paſaules noſhime, ſas ſajuchſmigs maſhſlas apmweſchānai un pret titumigas pateſhibas balſi. Beedribai ir neleelas, bet žewiſchſas teeſibas uš juſhu ul-maniba.

Peeždejuſit gadus atpaſat, juſhš, wehl jounu žilweſu, daſchu nowelu ſazereſaju, turſch neſen iſſto eſtaſhjees rafſtneezibā, iſwehſleja par muſhu beedribas beedri un 1859. gada 4. februari turejāt ſchās beedribas ſežde runu par tihri maſhſlas elementa pahratumu literatūrā ſarp wiſeem gileem talaita wirſeneem. Aifhbdams tihras, brihwas maſhſlas teeſibas, beedribas preeſchneeks A. Homjatows ſawā aibilde aifrah-

Dſiint. Wehſh. (S.)

1. No Reweſes. Tolfsoja jub. lejas ſhwinijuma aifſteegumš. "Eſu ſino: Birmeenas watarā kreewu ſludā ſanahja weleto kreewu, igouan un wahju beedribu weeneſi. apſpreſt, laſhdā laſtri ſhinet Tolfsoja jubileju. Bet Žgaunijas gubernators beedribu weeneſeem ligis ſino, tā Tolfsoja jubilejas deenā laſrs ſhwinijums aifſteegs. —

dija, tā laſhdas paſchas liſumigas teeſibas poſtaſhweſ blaſus ſcham wirſeem eſot ari tai rafſtneezibai, kura ſeēdota laiſa uſweimeem un ſa-beedribas jantajumeem. Wahadſiba weh paſcho-pahrdauſchāns un paſchapiwainoſchāns iſſe-lab žilmēt, tā ari ſabeedribā — wiſch ſazija — neiſhſchchichāma un beeſchi tai toti ſwariga noſhime. It laſrs maſhſlineeks, tā ſajuchſmigs behſe ſetwai tautai, nobodamees wiſam, ſas maſhſchigs un daiſch, neiſhegto un daſchlaſtri pret paſcha gribu attehlo ari ſawā laiſa apſtaſhtus ar wiſu pateſhibas un melu peemaiſi-jumeem. "Un juſh paſchi — tā Homjatows ſazija uš jums — biſat un buhſat negribot laſhdš apwainotojs. Ejat ar Dewā paſhju pa to janko žetu, kuru juſh iſtraudhjuſchēes, ejat ar laſhdām paſchām ſelmēm, laſhdām juſh apbalwoti lihbš ſchūi wai ari ar wehl leela-tām, jo juſhu dahrowas now pahrejoſchās un ahtri liſmetamas, bet ejat pahrelezinai, tā rafſtneezibā muſhſchigais un maſhſtigais paſtaſhwi-gi uſnem ſewi talaita un pahrejoſchos eeſpaušs un noſikumus, ſas pahrowehſhdams un pahrdai-to-dams, un tā wiſi žilweſu wahdrā daſchdaſcha-dee arodi un wiſu noſares neemitigi ſaweenas-jaš kopā weenā harmoniſtā welelā."

Geuht paſaziti, žil daubi tal laiſā preeſch-jums paſcheem bija atwehſis tas, ſo Homjatows paredhſi no "Wehnmibas" un "Sewakſtopoles noſtaſhtu" ſazereſajo, bet wiſa wahdri iſtraudhjuſchēes par prameetojumu. Ar wiſu ſawu dar-bibu juſh ejat peerahdhjuſchi wiſa gala ſleſh-dſeena pateſhibu: juſh biſat un palikāt diſchais wahdrā maſhſlineeks, juſh tapāt par apwaino-taju un pateſhibas aiflaſheju neiſmeheſjami le-e-laſā mehrā, neſā biſat puſgaduhſimēti at-paſat, bet iſſeas weens, tā otrs ſaſtaſhba weenu harmoniſtu welelu juſhu rafſchoſchānā, tapch ſa wiſe taſā wadis no muſhſchigēem mehrſeem. Tā jums, Lew Rifolajewiſch, biſis lemtis laſhā pagahſnē ſaſaptes weenreij ar muſhu beedribu, ſaza apleezinaja ſwarigu eſhſi-mi juſhu gara dahrowāns un ar ſawā preeſch-neela muti jums nowehleja labas ſelmes paſchā juſhu žeta ſaſtumā. Kreewu rafſtneezibas weizinataju beedriba ir laimīga, ſcho alghahdinabā-mās, un apſweiz juſh, ſawu goda beedri, ar wiſlabateem wehſejumeem. Iſſalam to, ſas ſchō-been neaturami ſlaſhu uš neſaitama, pa wiſu paſauli iſſaiſtiſa laſhdu daubijuma luhpam: "Eai diſhws un rafſta Dewš Tolfsojs, kreewu tautas lepnums un ſlawā, žilwezes labafas da-las grejnumš!"

Dſiint. Wehſh. 30ab
1908
4201.

№ 31-46. 1908

Финляндскія дѣла.

Гельсингфорсъ, 29-го августа.

День Толстого въ Гельсингфорсѣ. Толстовскій юбилей былъ отпразднованъ финляндцами, помимо послышки ряда приветственныхъ телеграммъ великому писателю отъ ряда просвѣтительныхъ обществъ, еще и устройствомъ бесплатной лекціи о Толстомъ въ ноландскомъ студенческомъ домѣ и постановкой толстовскихъ спектаклей въ обоихъ мѣстныхъ театрахъ—финскомъ и шведскомъ. Въ томъ и другомъ ставились „Власть тьмы“.

№ 31-46. 1908

къ юбилею Л. Н. Толстого.

Намъ доставленъ еще цѣлый рядъ приветствій и телеграммъ, продолжающихъ поступать на имя Л. Н. Толстого.

Одно изъ приветствій начинается слѣдующими словами:

„Гонимому отъ угнетенныхъ!

Мы, крестьяне одного утолка столицы, различныхъ цеховъ и профессій, сошлись, обсудили и объединились одной мыслью выразить вамъ по случаю 80-лѣтія дня вашего рожденія свой скромный, полуграмотный, но изъ сердечнѣйшихъ сердечныхъ и изъ искреннѣйшихъ искреннѣйшихъ приветъ“.

Рабочіе т-ва „Просвѣщеніе“ приветствуютъ въ лицѣ Л. Н. „доблестнаго сына земли русской“.

Затѣмъ слѣдуютъ телеграммы:

„Отъ чрезвычайнаго общаго собранія членовъ петергофскаго общественнаго собранія“, „отъ группы почтателей съ 60 подписями“, „отъ правленія слѣб. педагогическаго общества взаимной помощи, отъ союза шведскихъ публицистовъ въ Финляндіи и др.“.

Письмо въ редакцію.

Покорнѣйше прошу васъ сообщить въ вашей уважаемой газетѣ, что правленіе московскаго общества грамотности въ запискѣ 16 августа проектировало въ ознаменованіе 80-лѣтія со дня рожденія графа Л. Н. Толстого открыть народную бібліотеку его имени, на что въ настоящее время получено полное согласіе Л. Н. съ пожеланіемъ учрежденія ея въ Ясную Поляну. Л. Н. выразилъ при этомъ даже готовность самому принять участіе въ составленіи каталога бібліотеки, въ которой ему хотѣлось бы видѣть преимущественно книги этическаго содержанія и по народоутилю.

Желая дать возможность какъ членамъ М. О. Г., такъ и другимъ лицамъ почтить великаго художника-писателя принятіемъ участія въ этомъ дѣлѣ, я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой открытіи при редакціи вашей газеты приемъ пожертвованій для увеличенія тѣхъ средствъ, какія будутъ ассигнованы для этой цѣли ближайшимъ общимъ собраніемъ московскаго общества грамотности.

Предсѣдатель правленія
нн. Пав. Долгоруковъ.

№ 31-46. 1908

31 августа открывается сезонъ спектаклей въ Народномъ домѣ гр. Паниной. Для открытія ставится, въ виду юбилея Л. Н. Толстого, „Власть тьмы“. Послѣ Малого театра—это всего второй въ Петербургѣ юбилейный спектакль.

№ 31-46. 1908

Одесское молчаніе.

Вчера пришли одесскія газеты отъ 28 августа. Оказывается, что и въ этотъ день, день праздника русскаго гения генералъ-губернаторство ген. Толмачева было отвлечено отъ всей Россіи. Въ то время, когда единственно допустимая форма чествованія великаго писателя земли русской путемъ печати проявилась рѣшительно нѣздѣ и повсюду, когда не только органы, претендующія на литературность, но даже официальные органы и оффиціозы не сочли возможнымъ обойти молчаніемъ юбилей титана русскаго литературны, — одесская печать не могла ни словомъ откланяться въ торжество всего человечества. „Одесскій Листокъ“, „Одесскія Новости“ вышли безъ единой строки о Толстомъ, а въ третьей газетѣ юбилей Толстого ознаменованъ слѣдующими словами: «Сегодня весь мыслящій міръ чувствуетъ знаменательный день—день 80-лѣтія со дня рожденія великаго писателя земли русской Л. Н. Толстого». Одесскія газеты имѣютъ десятки тысячъ читателей. Что испытывалъ каждый изъ нихъ, беря утромъ 28 августа газету?

Какое представленіе о безграничной власти ген. Толмачева долженъ получить одесскій обыватель, если онъ увидитъ, что то, что было дозволено всей Россіи, можетъ быть запрещено Одессѣ? Видѣ въ тотъ самый день, когда въ городѣ Одессѣ была наложена печать молчанія о Толстомъ, оффиціозъ горло заявилъ, что „не имѣлось ни малѣйшаго повода предполагать, чтобы гдѣ-нибудь чинились какія-либо пренебреженія къ чествованію Толстого“.

№ 31-46. 1908

Изъ Юрьева.

День юбилея Л. Н. Толстого прошелъ у насъ почти бесслѣдно. Мѣстная именитая газета помѣстила небольшую передовую статью, посвященную юбилею великаго писателя земли русской, въ которой съ извѣстной осторожностью указывалась на значеніе юбилея, какъ великаго художника и мыслителя. Общество русскіхъ студентовъ и клубъ студентовъ-медииковъ отправили въ Ясную Поляну общую телеграмму, слѣдующаго содержанія: „Великому гению земли русской шлемъ свой приветъ. Общество русскіхъ студентовъ юрьевскаго университета“.

№ 31-46. 1908

Отъ передвижнаго (драматическаго) театра Л. Н. Толстому послана слѣдующая телеграмма:

„Свободному, вѣчно ищущему духу, святой радости искусства и жизни, великому любимому Льву Толстому шлемъ свой земной поклонъ драматическаго передвижнаго театра“.

№ 31-46. 1908

ТУЛА, 30 августа.

Общимъ собраніемъ мѣстнаго клуба постановлено въ ознаменованіе 80-лѣтія Л. Толстого внести въ общество помощи недостаточнымъ ученикамъ гимназіи 2,000 руб. для образованія неприкосновеннаго капитала имени писателя; проценты съ капитала назначены въ уплату за ученіе бѣднѣйшихъ учениковъ безъ различія состояній.

ВОЛОГДА, 30 августа.

Редакціей газеты «Сѣверъ» послана Льву Толстому слѣдующая телеграмма: «Вологодская газета «Сѣверъ» счастлива присоединиться къ чествованію всѣмъ цивилизованнымъ міромъ 80-ой годовщины вашей жизни, отданной исканію истины, гениальной художественно-творческой проповѣди любви, человечности, братства». Приветственные телеграммы отправили юбиляру консултанціи присяжныхъ новгородскихъ при окружномъ судѣ, общество помощниковъ присяжныхъ новгородскихъ, врачей и общество «медицинское общество».

Расс. 31-го.

„Сѣвъ“ занимается разоблаченіями. Запретили казанскому университету избрать Л. Толстого почетнымъ членомъ. А знаете ли вы, что онъ состоитъ почетнымъ членомъ юрьевскаго университета, да еще при какихъ обстоятельствахъ онъ избранъ? —

При благосклонномъ отношеніи бывшаго тогда почетнаго члена учебнаго округа, отличавшагося и тогда большимъ дипломатическимъ тактомъ, Петра Петровича Извольскаго, нынѣ оберъ-прокурора святѣйшаго правительствующаго синода, издавшаго посланіе противъ чествованія этого писателя.

Газета въ большомъ смущеніи.

Насъ интересуетъ вопросъ, почему графъ Л. Н. Толстой не можетъ быть избранъ въ почетные члены Императорскаго казанскаго университета и въ то же время можетъ оставаться почетнымъ членомъ Императорскаго юрьевскаго университета?

Да вѣдь это еще не все! Толстой состоитъ почетнымъ академикомъ Императорской академіи наукъ. И подумать, что въ доконституціонное время это не возбуждало никакихъ сомнѣній, а обновленныи строй не въ состояніи это выдержать.

* *

Расс. 31-го. 1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 31 августа.

Отвѣчая на страстные нападки, названные историческимъ посланіемъ синода о поддержаніи отъ чествованія юбилея Толстого, духовный „Колоколъ“, между прочимъ, простоудно признался, что и самъ св. синодъ очутился въ безвыходномъ положеніи. Требованіе объ изданіи такого опредѣленія было властно заявлено на кіевскомъ мисіонерскомъ съѣздѣ. Не считаясь съ нимъ было немислимо. Тамъ вѣдь было 3 митрополита, столько-то архіереевъ, столько-то представителей рядовой іерархіи. Это вѣдь для синода общественное мнѣніе, и скорѣе синодъ заслуживаетъ похвалы за то, что онъ все-таки нашель въ себѣ мужество урѣзывать кое-что въ этихъ требованіяхъ, осуществивъ ихъ не до конца.

Такъ приблизительно писала духовная газета; такъ, во всякомъ случаѣ, былъ смыслъ и сущность ея зачитана. Не будетъ противорѣчіемъ тому, что мы назвали это посланіе историческимъ, если мы скажемъ, что собственно оно не внесло ничего новаго: оно только, несомнѣнно, лишній разъ поставило точки надъ і, подчеркнуло то, что было ясно и безъ этого посланія; въ создавшемся положеніи оно могло произвести только количественныя, а не качественныя измѣненія. Но кіевскій мисіонерскій съѣздъ сдѣлалъ еще одно, гораздо болѣе важное постановленіе. Онъ открыто покусился на законъ 17 апрѣля 1905 г. объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости и требуетъ, чтобы законопроекты о религіозной свободѣ, внесенные сначала во 2-ую, а затѣмъ въ 3-ю Думу, были взяты обратно правительствомъ и переданы на предварительное обсужденіе синода. Очевидно, съ этимъ требованіемъ тѣмъ болѣе синоду придется считаться и идти навстрѣчу „общественному мнѣнію“.

И нужно признать, что какъ ни дерзко, какъ ни бессмысленно само по себѣ требованіе мисіонерскаго съѣзда, находившагося, въ свою очередь, подъ такимъ сильнымъ и опредѣленнымъ давленіемъ черной рати, нельзя сказать о немъ, чтобы оно такъ-таки вышло въ воздухъ. Если вообще совершился такой стремительный сдвигъ назалъ, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ мы не сумѣли удержаться даже на томъ рубежѣ, на которомъ стояли еще до „обновленія“ строя, если по всей линіи идетъ торжество законности, если послѣ настоящей дворянскаго и „обновленнаго“ земскаго съѣздовъ правительство взяло обратно законопроектъ о реформѣ земскаго самоуправленія и офиціозъ доказываетъ, что это было необыкновенно мудрое и жизненное рѣшеніе,—то спрашивается: почему же не стремиться къ тому же и въ области религіозной свободы, почему и здѣсь не упразднить тѣ переходныя мѣры, которыя должны были построить мостъ черезъ пропасть, перелетъ которой очутилось государство? Если воскресаютъ толстовскія, деляновскія времена, то развѣ у гг. Скородовыхъ нѣтъ своихъ славныхъ традицій? Развѣ нельзя вызвать къ новой жизни духъ Побѣдоносцева? Развѣ его

система не такъ же испытана, не такъ же проверена на опытѣ и въ ея плодахъ развѣ можно больше сомнѣваться, чѣмъ въ какой угодно другой вѣтви стараго режима?

И потому именно, что мисіонерскій съѣздъ столь ловко обнажилъ ахиллесову пяту, это его постановленіе возбудило гораздо болѣе тревоги, чѣмъ посланіе объ юбилеѣ Толстого, и тревога эта еще болѣе усилилась, когда, ко всеобщему изумленію, синодъ такъ рѣшительно исполнилъ волю съѣзда. „Русское Знамя“ кичливо заявляло еще въ послѣдніе дни, что они этого добьются, что бы ни дѣлали „интриганы“ и къ какому бы рангу они ни принадлежали. Но на этотъ разъ мавръ, пока—по крайней мѣрѣ, осѣлся. По словамъ „Нов. Вр.“, опасенія за участь впомянутыхъ за-

конопроектовъ заставили „одного изъ видныхъ депутатовъ“ обратиться за разъясненіемъ къ П. А. Столыпину, который далъ „весьма утѣшительный отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что брать обратно изъ Гос. Думы законопроектъ не предполагается“. Такое заявленіе (надо думать, что оно не будетъ опровергнуто освѣдомительнымъ бюро) обаяываетъ и, поскольку слѣдовательно, А. И. Гучковъ не подниметъ вновь аларма, нельзя ожидать, чтобы мавру удалось своей грубой рукой вырвать у Думы неоконченную работу. Несомнѣнно также, что именно въ виду настоячивыхъ домогательствъ мавра, Гос. Дума поспѣшитъ закончить разсмотрѣніе проекта въ комисіи и внести его на обсужденіе общаго собранія.

И тогда предъ нами развернется поразительное зрѣлище. Если составъ синода не измѣнится и не будетъ дано новыхъ лозунговъ (вѣдь даже и Антоній волынскій умѣлъ говорить другимъ языкомъ, а Иллѣодоръ умѣлъ и вовсе помолчать), то, судя по той отъявленной демагогии, запугиваніямъ и застраиваніямъ, которыми переполнены столбцы духовной и черносотенной печати,—гг. депутаты-священники подъ руководствомъ еп. Евлогія возьмутъ очень высокія ноты, а чѣмъ онѣ будутъ выше, тѣмъ болѣе рѣзко обнаружится ихъ splendid isolation!

Вотъ, такимъ образомъ, еще одно обстоятельство, которое, въ дополненіе къ указаннымъ А. И. Гучковымъ, вызоветъ серьезныя измѣненія въ конфигураціи внутренняго строя Думы и оживитъ предстоящую сессию ея.

Роча 31/8/06.

Разныя извѣстія.

Мѣры предосторожности. 28 августа въ Кишиневъ было назначено собраніе, посвященное чествованію Л. Н. Толстого. Приводимое ниже изъ «Бес. Жизни» обращеніе «къ обществу» характеризуетъ тѣ условія, въ которыя были поставлены даже наиболѣе счастливые изъ провинціальныхъ городовъ (въ другихъ совсѣмъ не были допущены никакія чествованія).

«Устроители сегодняшняго собранія, посвященнаго чествованію Л. Н. Толстого, покорнѣйше просятъ всѣ общества и кружки, которые пожелаютъ, чтобы ихъ приветственныя телеграммы, посылаемыя великому юбиляру, были оглашены въ собраніи, непременно доставить ихъ въ редакцію «Бесе. Жизни», которая представить ихъ для предварительнаго просмотра. Безъ одобренія администраціи ни одна телеграмма не можетъ быть оглашена. Дале, такъ какъ входъ на собраніе бесплатный, и поэтому можно ожидать, что залъ благороднаго собранія будетъ переполненъ,—распорядители просятъ занимать мѣста по билетамъ, во избѣжаніе беспорядковъ и излишней суетоли въ залѣ. Наконецъ, самое главное,—распорядители убѣдительно просятъ не прерывать референтовъ во время чтенія аплодисментами или иными знаками одобренія. Мы должны помнить, что мажйшее нарушеніе строгой корректности сегодняшняго собранія, помимо того, что можетъ вызвать административное воздѣйствіе, огорчить прежде всего маститаго юбиляра, покой котораго теперь, во время его болѣзни, мы особенно должны беречь».

Привѣстія Толстому отъ сибиряковъ.

«Вят. Рѣчь» получила свѣдѣнія о постановленіи «кружка сельскихъ хозяевъ» въ якутской области, образовавшася изъ политическыхъ ссыльных, попавшихъ на далекій сѣверъ во времена Плеве. Часть кружка состоитъ изъ самыхъ яркихъ послѣдователей гр. Толстого, въ свое время пострадавшихъ за свои убѣжденія, перенесшихъ и ссылку, и тюремное заключеніе, и «увѣщанія» миссіонеровъ.

Ко дню юбилея въ Ясную Поляну отпразднелась особая депутація изъ тѣхъ толстовцевъ, которые уже отбыли срокъ административной ссылки и могутъ безъ риска появляться въ Россіи. Депутація передаетъ гр. Толстому книгу съ описаніемъ жизни толстовцевъ въ Сибири; экземпляръ этой книги —единственный; книга подробно описываетъ гоненія на толстовцевъ, ихъ жизнь и работу въ далекой тайгѣ.

Извѣстные въ Сибири с.-х. кооперативы, владѣющіе въ данное время уже своими заводами и мастерскими по устройству с.-х. машинъ и орудій, черезъ выбраннаго ими делегата послали въ Ясную Поляну для нуждъ крестьянъ нѣсколько сотъ косъ, молотилковъ, новой конструкціи плуговъ въ собственность яснополянскихъ крестьянъ съ условіемъ пользоваться ими на товарищескихъ началахъ. Одинъ изъ плуговъ, представляющій собою шедевръ плужнаго производства съ различными приспособленіями, предназначается для юбиляра. На всѣхъ орудіяхъ и машинахъ поставлено клеймо: «Яснополянскіимъ крестьянамъ отъ сибирскихъ кооперативовъ въ память юбилея гр. Л. Н. Толстого, 28 августа 1908 г.».